
This is the **published version** of the bachelor thesis:

Onch, Anastasia; Kubyshina, Natalija, dir. Traducció comentada al rus del conte tradicional espanyol 'Els tres desitjos' i l'anàlisi comparativa amb el 'Conte del pescador i el peixet' d'A. Pushkin. 2015. (1202 Grau en Traducció i Interpretació)

This version is available at <https://ddd.uab.cat/record/146949>

under the terms of the **COPYRIGHT** license

**TRADUCCIÓN COMENTADA AL RUSO
DEL CUENTO TRADICIONAL ESPAÑOL
LOS TRES DESEOS Y EL ANÁLISIS
COMPARATIVO CON EL *CUENTO DEL
PESCADOR Y EL PECECILLO*
DE A. PUSHKIN**

103698 – Trabajo de fin de grado

Grado en Traducción e Interpretación

Curso académico 2014-15

Estudiante: Anastasiya Onch

Tutora: Natalia Kubyshina

Fecha: 10.06.2015

Facultad de Traducción y de Interpretación

Universidad Autónoma de Barcelona

**КОММЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД
ИСПАНСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ
«ТРИ ЖЕЛАНИЯ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК
И ЕЁ СОПОСТАВЛЕНИЕ СО «СКАЗКОЙ
О РЫБАКЕ И РЫБКЕ» А.С. ПУШКИНА**

103698 – Дипломная работа

Бакалавриат по специальности «перевод»

Учебный год: 2014-15

Студентка: Онч А.В.

Руководитель: Кубышина Н.Н.

Дата: 10.06.2015

Переводческий факультет
Автономный Университет Барселоны

Аннотация к дипломной работе

Название: Комментированный перевод испанской народной сказки «Три желания» на русский язык и её сопоставление со «Сказкой о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина.

Автор: Онч А.В.

Руководитель: Кубышина Н.Н.

Учебное заведение: Автономный Университет Барселоны.

Факультет: Переводческий факультет.

Учебный год: 2014-15.

Ключевые слова

Фольклор, волшебные сказки, сравнительная характеристика сказок, комментированный перевод, трудности перевода.

Palabras clave:

Folclore, cuentos maravillosos, comparación de cuentos, traducción comentada, problemas de traducción.

Краткое описание

Данная дипломная работа содержит теоретическую информацию о волшебных сказках испанского и славянского народов, на основе которой проведена последующая сравнительная характеристика испанской народной сказки «Три желания» и «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина. После этого предложен перевод сказки «Три желания» на русский язык с комментированием лексических, грамматических и стилистических особенностей произведения.

Resumen

El trabajo contiene información teórica sobre los cuentos maravillosos españoles y eslavos, en base a cual se ha llevado a cabo la comparación entre el cuento popular español *Los tres deseos* y el *Cuento del pescador y el pececillo* del escritor ruso A. Pushkin. A continuación, se ha realizado la traducción del cuento español *Los tres deseos* al ruso, acompañada de comentarios sobre las características léxicas, gramaticales y sintácticas del texto.

Авторское право

© Анастасия Онч, Барселона, 2015. Все права защищены.

Никакие части данной работы не могут воспроизводиться, изменяться или распространяться в любом виде любым способом, либо храниться в базах данных или поисковых системах без предварительного разрешения автора.

Aviso legal

© Anastasia Onch, Barcelona, 2015. Todos los derechos reservados.

Ningún contenido de este trabajo puede ser objeto de reproducción, comunicación pública, difusión y/o transformación, de forma parcial o total, sin el permiso o la autorización de su autora.

Содержание

1. Введение	5
2. Историко-теоретическая информация о фольклоре и изучаемых сказках.....	6
2.1. Жанровая специфика волшебных сказок.....	6
2.2. Отражение особенностей менталитета испанских и славянских народов в волшебных сказках	7
2.3. История создания изучаемых сказок.....	8
3. Сравнительная характеристика испанской сказки «Три желания» и «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина	10
3.1. Сопоставление сюжетных и культурологических особенностей	10
3.2. Сопоставление художественно-композиционных особенностей	16
4. Перевод испанской сказки «Три желания» на русский язык	22
4.1. Введение	22
4.2. Комментированный перевод испанской сказки «Три желания» на русский язык ..	24
4.3. Классификация лексико-стилистических трудностей перевода	32
5. Выводы	34
6. Будущие темы исследования	36
7. Библиография	37
8. Приложения	39
8.1. Сказка «Три желания» на испанском языке	40
8.2. «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина.....	42

1. Введение

Фольклорные произведения обладают огромной исторической ценностью, потому что они связывают нас с далёкими предками. Народное творчество несёт в себе немало культурологической информации относительно образа жизни, традиций и менталитета древних народов. Но самое главное, что фольклор — это основа многих последующих произведений, поэтому он представляет огромную ценность для профессионалов любого филологического направления, в том числе переводчиков.

Произведения народного творчества содержат много трудностей, с которыми сталкивается переводчик: лексические (устаревшие слова, разговорная речь и пр.), синтаксические (традиционные зачины, сказочный язык, рифма в песнях и пр.), культурологические (традиции народа, его социальная структура и пр.) и другие. Поэтому, чтобы улучшить свои переводческие навыки, а также получить необходимые знания о фольклорах двух наиболее близких мне народов — испанского и русского, в качестве темы для своей дипломной работы я выбрала именно фольклор, а точнее, один из множества его жанров — волшебные сказки. С моей точки зрения, если научиться правильно передать в нужной форме содержание сказки с одного языка на другой, сохранив при этом все жанровые особенности, то в будущем будет легче переводить любое другое художественное произведение.

Основная цель данной дипломной работы — осуществить как можно более адекватный перевод испанской народной волшебной сказки «Три желания» на русский язык. Очевидно, что нельзя приниматься за такую сложную задачу без предварительного ознакомления с историей испанского и русского фольклоров и с жанровой спецификой волшебных сказок, потому что теоретические знания в этой области очень важны для точной и правильной передачи всех необходимых элементов. Однако вместо изучения особенностей волшебных сказок этих двух народов по отдельности, я решила провести сравнительную характеристику переводимой сказки с похожей по содержанию русской волшебной сказкой. Объектом для сопоставления стала «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина. Хоть она и является литературным произведением, сюжет этой сказки зародился именно в народном творчестве и потому подходит для сравнения особенностей жанра волшебных сказок испанского и славянского народов.

В вводной части я выяснила, что из себя представляют волшебные сказки и как в них отображаются основные отличия между этническим сознанием испанского и славянского народов, а также кратко изложила историю возникновения обеих сказок. Далее я провела сравнительную характеристику сказки «Три желания» и «Сказки о рыбаке и рыбке», основываясь на жанровых особенностях волшебных сказок (как универсальных, так и свойственных каждому из народов). Затем в работе представлено описание своего переводческого процесса и последующий комментированный перевод сказки «Три желания» на русский язык. В комментариях я проанализировала трудности, с которыми столкнулась в процессе перевода, а также обосновала их решение.

Что касается библиографического материала, то я включила в список все источники (на русском и на испанском языках), которые в той или иной мере были использованы в процессе написания данной дипломной работы.

2. Историко-теоретическая информация о фольклоре и изучаемых сказках

2.1. Жанровая специфика волшебных сказок

Прежде чем приступить к описанию характеристики волшебных народных сказок, рассмотрим в общих чертах, что из себя представляет фольклор. Испанские филологи Л.В. Соколова и Р. Гусман, занимающиеся славистикой, определяют фольклор или устное народное творчество как результат народной мудрости, устно передаваемый из поколения в поколение, в котором отражаются моральные ценности народа, взгляд на доброту и справедливость, а также его история и повседневная жизнь (Sokolova, 2003: 11).

Все фольклорные произведения имеют как общие черты, так и отличительные особенности. С помощью экспрессивных средств, таких как символика, параллелизм и эпитеты, народ выражает свой взгляд на окружающий мир и духовные ценности (Sokolova, 2003: 13-14). Устное народное творчество можно разделить на стихотворные и прозаические произведения. К первой группе относятся различные песни (исторические, ритуальные, семейные и пр.), а также баллады. Однако для данной дипломной работы больший интерес представляют прозаические произведения, которые включают в себя такие жанры как легенды, пословицы, загадки и, конечно же, сказки.

Что касается народных сказок в общих чертах, то различают три основных типа: сказки о животных, волшебные сказки и социально-бытовые сказки. Любая сказка может сочетать в себе элементы всех трёх типов, но в целом относится только к одному из них. «Три желания» и «Сказка о рыбаке и рыбке» принадлежит к жанру волшебных сказок, потому как в них мы встречаем фиктивных персонажей (фею и рыбку) и волшебные превращения (исполнение желаний).

Лишь в начале двадцатого века жанр волшебных сказок заинтересовал фольклористов и стал объектом досконального изучения. В Испании не существовало сборника народных сказок подобного тем, что создали братья Гримм или Шарль Перро. В 1920-м году писатель А. Эспиноса начал своё путешествие по Испании с целью собрать и записать как можно больше сказок со всех уголков страны, после чего было издано первое полное собрание испанских народных сказок, включая волшебные.

Немногими годами позже, в 1928-м, советский филолог-фольклорист В.Я. Пропп завершил свою работу «Морфология сказки». Хотя ранее другие авторы (Вундт, Волков, Аарне, Веселовский и др.) также делали попытки составить различного рода классификации и описания волшебных народных сказок, книга В.Я. Проппа стала первым подробным анализом волшебной сказки как отдельного жанра и по сей день является одним из самых рекомендуемых источников теоретической информации.

Проводя исследования в области устного народного творчества, фольклористы замечают, что волшебные сказки разных народов основаны на практически одинаковых мотивах, что подтверждается в «Морфологии сказки» В.Я. Проппа. Существует две теории, которые объясняют это совпадение. Первая гласит, что на протяжении всей истории человечества различные культуры контактировали между собой и, безусловно, заимствовали фольклорные сюжеты, изменяя и добавляя некоторые элементы в произведениях. Вторая, однако, утверждает, что всем народам присущи общие законы

логики и психологии, общие бытовые явления, а также общие пути развития культуры, которые непременно отразились и в народном творчестве. Оттого похожие сказочные мотивы могли зародиться параллельно даже у тех культур, которые между собой не контактировали (Кравченко, 2003: 17).

2.2. Отражение особенностей менталитета испанских и славянских народов в волшебных сказках

В данной дипломной работе я буду сравнивать испанскую сказку со славянской, поэтому необходимо предварительно понять, в какой степени история и характер обоих народов могли повлиять на форму и содержание фольклорных произведений.

Для начала определим, что из себя представляют славянские и испанские народы. Что касается первых, то они проживали в районе рек Дунай, Днепр, Ока, Двина и Висла; в их число входят не только русские, но также и поляки, сербы, болгары и т.д. В случае со вторыми, в книгах по истории описываются народы, проживающие на Иберийском полуострове; среди них загадочные тартесийцы, воинственные кельтиберы и, наконец, иберы, которые и являются для историков самыми древними и прямыми предками испанской нации. Свой вклад в культуру полуострова на протяжении истории внесли также греки, римляне и арабы; последние, безусловно, принесли в Европу не только различного рода новые изобретения, но и идеи для народного творчества. Легендарный арабский сборник «Тысяча и одна ночь» содержал сказочные мотивы, послужившие основой для некоторых испанских сказок, в том числе и для сказки «Три желания».

Прежде всего, климат и география играют важную роль в жизни любого народа и потому могут влиять на содержание фольклора и его экспрессивные элементы. Как описывает выдающийся историк Н. М. Карамзин, славяне были приспособлены к неблагоприятным условиям жизни, таким как холод, голод и усердный труд. Также они любили открытые пространства, не давали никому собой повелевать и в конечном счёте прославились своей храбростью и жестокостью в бою.

Иберийский остров, напротив, расположен в зоне более благоприятного, тёплого климата. Он был очень богат залежами драгоценных металлов, поэтому тамошние жители предпочитали налаживать коммерческие отношения с другими народами и не смогли предотвратить захват своих земель в начале Римской, а затем и Арабской империями. Может быть поэтому испанский писатель А. Родригес Альмодовар в своём анализе волшебных сказок заключил, что в испанском фольклоре в целом меньше насилия и жестокости, чем у других народов (Rodríguez, 1987: 50).

Немаловажно упомянуть тот факт, что как у славян, так и у тех народов, что заселяли Иберийский полуостров, мужчина всегда был хозяином дома и считался более необходимым членом общества, нежели женщина, что, несомненно, отразилось в народном творчестве обеих культур. Однако в сказках, которые я сравниваю, эта особенность не выражается напрямую. Мужской персонаж не имеет власти над женским, при этом старуха наделена негативными качествами (алчность, жажда мести, злость), что контрастирует с более мягкими чертами характера старика («Три желания») или вовсе противоположными («Сказка о рыбаке и рыбке»). Таким образом в обоих

произведениях есть намёк, что в неблагоприятной ситуации виновата именно женщина, в то время как мужчина является жертвой её действий.

До внедрения православного христианства в жизнь славян и католического христианства на Иберийский полуостров оба народа поклонялись своим языческим богам, символизировавшим природные явления, или позаимствованным у других культур. После того как христианство стало официальной религией на их территориях, в фольклорных произведениях появилось сочетание как старого, как и нового вероисповеданий.

Как замечает кандидат исторических наук И.А. Журавлёва, «в испанских сказках делается акцент на возникновении общественных норм и их обязательное выполнение. Однако в русских сказках на первое место выходят моральные установки, то, что впоследствии назовётся русским характером» (Журавлёва, 2012: 123). Для славян самым важным было жить в гармонии с природой, быть великодушным, выражать сострадание, находиться на стороне добра и правосудия. Ценилась также простота и отказ от материальных богатств, что, по словам Карамзина, в точности соответствовало образу жизни древних славян.

Народные сказки, как известно, в большинстве своём предназначаются детям. Но в случае с испанскими сказками было принято пересказывать их также и между взрослыми в качестве развлечения, особенно у крестьян (Rodríguez, 1987: 29). Большой популярностью пользовались сюжеты, где высмеивались обладатели существенных материальных благ, в то время как бедные персонажи ставились выше них благодаря своим моральным ценностям и соблюдению поощряемых общественных норм.

2.3. История создания изучаемых сказок

Для проведения сравнительной характеристики сказок важно изучить их исторические корни и знать особенности их предыдущих вариантов. Таким образом, выяснилось, что сюжетная основа сказки «Три желания» зародилась вовсе не в Испании. В легендарном арабском сборнике «Тысяча и одна ночь», о происхождении которого выдвинуто немало теорий, можно встретить очень похожую по содержанию одноимённую сказку. В этой версии мужчина получает от Аллаха возможность загадать три желания и обращается за советом к супруге, однако винит её в их неудачном исполнении и остаётся ни с чем.

Ещё до того как арабский сборник был впервые переведён на французский язык в 1704-м году, знаменитый французский поэт и критик Шарль Перро записал свою версию сказки, известную в русском переводе под названием «Смешные желания» (франц. «*Les Souhaits ridicules*»). В отличие от предыдущей версии, в сказке Перро отсутствует религиозный характер, а желания главного героя — дровосека — совсем не те, что загадывал мусульманин.

Что касается испанской сказки «Три желания» (исп. «*Los tres deseos*»), то в испанском фольклоре она также известна под названием «Желания» (исп. «*Los deseos*») и присутствует в различных версиях. Так, например, в 1991-м году был опубликован сборник народных сказок провинции Леон под авторством фольклориста Х. Камарена,

среди которых можно встретить сказку «Три желания» с католическим мотивом и дровосеком в роли главного героя.

Однако ранее испанская писательница и фольклористка, известная под псевдонимом Фернан Кабальеро, включила её в своё собрание народных сказок, загадок и пословиц, опубликованный посмертно в 1921-м году. Именно версия Кабальеро вошла в сборник «Три апельсина любви: испанские народные сказки» и была переведена в данной дипломной работе. Надо сказать, что в версии сборника концовка была немного изменена; сказка Кабальеро заканчивается словами феи, которые звучат следующим образом:

—*Ya veis cuán ciegos y necios son los hombres, creyendo que la satisfacción de sus deseos les ha de hacer felices. No está la felicidad en el cumplimiento de los deseos, sino que está en no tenerlos; que rico es el que posee, pero feliz el que nada desea.*

[—Видите, как слепы и глупы бывают люди, думая, что исполнение их желаний должно сделать их счастливыми. Счастье не в исполнении желаний, а в том, чтобы желаний не было; богат тот, у кого всё есть, но счастлив тот, кому ничего не нужно.]

В варианте сказки, который я взяла для перевода, этот фрагмент был заменён на более упрощённый: «Фея исполнила их желание и зажили они счастливо». Но слова феи из оригинальной версии выражают мораль сказки, поэтому для проведения дальнейшего изучения и сравнения сказок необходимо иметь их в виду.

Рассмотрим теперь историю возникновения «Сказки о рыбаке и рыбке». Так же, как и в случае с испанской сказкой «Три желания», сюжетная основа произведения А.С. Пушкина не принадлежит славянскому народу, несмотря на то что оно считается русской народной сказкой.

По словам фольклориста и этнографа М.К. Азадовского, именно известный учёный и лексикограф В.И. Даль сообщил Пушкину содержание сказки о золотой рыбке (Азадовский, 1936: 137). Лишь годы спустя выяснилось, что наибольшее сходство сказка Пушкина имеет с произведением братьев Гримм под названием «Сказка о рыбаке и его жене», записанным на основе народного творчества. Что касается отличий, то «в тексте Гриммов отсутствует: мотив корыта (первое требование у Гриммов — новый дом), по разному именуются рыбки: у Пушкина — золотая рыбка, у Гриммов — камбала, причем у Пушкина упущено указание, что рыбка — заколдованный принц. Наконец, Пушкин значительно усилил мотив покорности мужа» (Азадовский, 1936: 142). Но самым главным отличием является желание старухи стать Папой, а затем и Богом. Пушкин исключил оба желания из финальной версии своей сказки, однако сохранилась его рукопись, в которой этот католический мотив присутствует, что доказывает прямую связь его произведения с немецкой сказкой.

М.К. Азадовский также замечает, что среди русских сказок различных авторов аналогичный сюжет можно встретить шесть раз, однако ни в одной из них нет золотой рыбки; её роль играют другие волшебные персонажи, такие как дерево или птица. Также в конце каждой из шести сказок старик со старухой в качестве наказания превращаются в зверей, чего нет ни в версиях Гриммов, ни Пушкина (Азадовский, 1936: 138).

Таким образом мы увидели, что на протяжении своей истории обе сказки, представленные в данной дипломной работе, пережили много изменений благодаря странствию обоих сюжетов и вкладу, внесённому в них различными народами и авторами.

3. Сравнительная характеристика испанской сказки «Три желания» и «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина

3.1. Сопоставление сюжетных и культурологических особенностей

Основываясь на наблюдениях фольклористов, можно выделить ряд общих особенностей сюжета волшебных сказок и содержащихся в них культурологических элементов. Исходя из найденного материала, я проведу сравнительную характеристику двух выбранных сказок и прокомментирую, в какой степени сказка «Три желания» и «Сказка о рыбаке и рыбке» соответствуют жанру волшебных сказок. Здесь же я рассмотрю сходства и различия между двумя сюжетами.

Для начала необходимо заметить, что место развития событий во всех волшебных сказках — это фантастический, но в то же время реальный мир, где моральные ценности те же, что и у народов, передающих сказку из поколения в поколение. Поэтому волшебные сказки сочетают в себе как магические феномены, так и правдивые детали из повседневной жизни (Pisanty, 1995: 42). Как правило, сюжет любой сказки, в том числе и волшебной, не относится к определённому местоположению и не соответствует определённому моменту в истории. «У сказки всегда особое отношение к действительности: сказочное пространство и сказочное время не вписаны в реальную географию и историю» (Зуева, 2002: 142). Обе сказки соблюдают эти правила: в них не упоминается ни место, ни время развития событий. Изначально старик со старухой живут в бедных условиях, хоть и отличаются тем, что в испанской сказке они всю жизнь занимались обработкой своего участка земли (*«toda su vida la había pasado muy bien trabajando y cuidando de su pequeña hacienda»*), в то время как в русской сказке старик долгие годы «ловил неводом рыбу», а его супруга «пряла свою пряжу». Похожий образ жизни вели по всему миру ещё до наступления эпохи средневековья, поэтому слушатель воспринимал начальные строки как нечто обыденное, свойственное реальному миру, возможно, даже собственному образу жизни. Позже в обеих сказках появляется третий, вымышленный персонаж: в испанской — маленькая фея, в русской — говорящая золотая рыбка. Они не только выглядят и ведут себя необычно, но и наделены сверхъестественными способностями осуществлять желания, что уже не относит их к реальному миру и придаёт обоим сказкам фантастический оттенок.

Далее подробно рассмотрим представленных персонажей. По словам Т.В. Зуевой, герои волшебных сказок — «это не характеры, а типы, носители какого-то главного качества, определяющего образ. Они внутренне статичны», то есть не эволюционируют с течением времени (Зуева, 2002: 139). От определённых особенностей характера зависит роль персонажа в сюжете, в то время как отличительным чертам внешнего вида значение придаётся лишь в редких случаях. Главный атрибут героев — действие в развитии сюжета или, как говорит Зуева, «внешний динамизм», поэтому они не подвергаются детальному портретному описанию. Эта особенность соблюдается в обоих произведениях: ни в сказке «Три желания», ни в «Сказке о рыбаке и рыбке» не даётся описание внешности старика и старухи. Относительно детальному и очень яркому

описанию подвергается лишь фея из испанского произведения с целью заморозить слушателя своей волшебной красотой.

Что касается внутреннего состояния персонажей, то ему придаётся гораздо большее значение. В волшебных сказках по определению отчётливо проявляется «принцип борьбы абсолютизированных Добра и Зла, безапелляционно распределяющий персонажей по лагерям «хороших» и «плохих» (Ковтун, 1999: 6). Обычно в волшебных сказках главный герой, по определению хороший, принимает участие в этой борьбе, чтобы установить равновесие. При этом ему всегда помогают силы Добра, а именно второстепенные хорошие персонажи, будь то люди, животные или волшебные создания. В произведениях, которые я сравниваю, сюжет развивается именно благодаря стереотипным характерам старика и старухи, однако здесь нужно детально проанализировать отличия.

В сказке «Три желания» жена и муж изначально одинаково алчны и стараются подобрать такие желания, которые принесли бы выгоду им обоим; однако по мере развития сюжета они по очереди проявляют себя эгоистично и мстительно по отношению к друг другу. Таким образом, борьба Добра и Зла происходит внутри самих героев, заставляя выбирать между материальными благами и благополучием любимого человека. На третьем желании этот выбор даётся им нелегко: старик пытается убедить жену, что улучшить их материальное положение было бы наиразумнейшим шагом, но старуха из принципа отказывается от богатств и требует лишь устранить тот вред, который в гневе нанёс ей старик вторым желанием: *«Por más que siguió rogando el marido, nada alcanzó a la mujer que estaba por momentos más desesperada con su doble nariz»* («Хоть муж и продолжал умолять, ничего не убедило жену, которая на тот момент была в полном отчаянии со своим двойным носом»).

В русской сказке алчность и эгоизм присущи исключительно старухе; её первые два желания (корыто и изба) должны были принести выгоду обоим супругам, однако в тот же день она совершенно забывает о старике и с того момента желает повышение жизненного уровня лишь для себя. При том, чем большими богатствами и полномочиями она овладевает, тем больше насилия и агрессии проявляет по отношению к мужу. Старика, в свою очередь, характеризует бескорыстность (не требует откупа с рыбки), податливость (исполняет волю старухи) и вежливость (в обращении к рыбке). В данном случае внутренние качества героев отчётливо ставят их на сторону Добра (старика) и Зла (старуху).

В целом строки А.С. Пушкина содержат больше насилия, чем «Три желания». В испанском произведении супруги лишь оскорбляют друг друга, обвиняя в глупости совершённых действий: *«¡Mire usted, señor, qué mujer esta! Más tonta que un habar!»* («Смотри, Господи, какова женщина эта! Глупее бобового поля!»); *«¡Te luciste, mal hablado!»* («Блеснул ты, грубиян!»). В русской сказке старуха в начале наносит мужу оскорбления по той же причине («Дурачина ты, простофиля!»), а затем и переходит к действиям насильственного характера: «Осердилася пуще старуха, по щеке ударила мужа»; «Подбежали бояре и дворяне, старика взашей затолкали. А в дверях-то стража подбежала, топорами чуть не изрубил».

Сказочные сюжеты, основанные на исполнении желаний, встречаются в произведениях всех народов. Самые распространённые для сюжета волшебных сказок желания — это, например, жениться на принцессе или заполучить пол царства. Однако

встречаются также и другие сюжеты, в которых уже немолодые персонажи в силу своих амбиций выражают желания в виде материальных благ и собственной выгоды (De la Fuente, 2004: 449). Последний случай как раз относится к сказкам «Три желания» и «Сказке о рыбаке и рыбке». Но кто и как загадывает желания в обоих произведениях? В русской сказке старик изначально отказывается от всех желаний и отпускает рыбку в море без всякого откупа; затем он вынужден выполнять поручения своей безмерно алчной жены и всячески извиняется за её скверный характер перед золотой рыбкой. То есть в сказке А.С. Пушкина мнения супругов с самого начала являются противоположными, и с каждым исполненным желанием их отношения лишь ухудшаются, а требования старухи становятся всё более амбициозными.

В испанской сказке представлена другая ситуация. Жадность присуща как старику, так и старухе. В начале сказки мы видим, что они вдвоём стремятся получить как можно больше выгоды из сложившейся ситуации. Первое желание впустую случайно тратит старуха, загадывая появление кровянки на ужин, после чего муж гневается на неё и не только сам тратит второе желание впустую, но ещё и наносит непоправимый ущерб своей жене, пожелав, чтобы ненавистная кровянка приклеилась к её носу; более того, даже после раскаяния старухи он продолжает ставить материальное состояние выше её здоровья, что доказывает его жадность и алчность: «*Desearemos una mina, hija, y te haré una funda de oro para la morcilla*» («Пожелаем много золота, дорогуша, и я тебе сделаю золотой футляр для кровянки»).

Теперь посмотрим на это с гендерной точки зрения. В культуре как испанских, так и славянских народов мужчина в целом играл более значимую роль, чем женщина. Именно мужчина принимал решения и содержал семью, в то время как роль женщины ограничивалась заботой об очаге и воспитанием детей. Каким образом это отразилось на двух сопоставляемых произведениях? В сказке «Три желания» именно женщина первая совершает ошибку, которая в эпилоге сводит к нулю все грандиозные планы супругов. В «Сказке о рыбаке и рыбке» женщина и вовсе охарактеризована исключительно негативными чертами, а мужчина является добрым персонажем, с которым его жена плохо обращается.

Что касается волшебных помощников, то маленькую фею из испанской сказки можно расценить как отголосок древних культур, во времена которых женщины-ведьмы занимались магией и творили необъяснимые для людей вещи. В случае с золотой рыбкой, в русских сказках акцент делается именно на влияние природы, поэтому и в «Сказке о рыбаке и рыбке» волшебный помощник является животным, а именно представителем морской стихии — символом свободы и силы.

Немаловажное отличие мы находим в роли помощников обоих произведений. Фея из испанской сказки по собственной воле предоставляет супругам три желания, в то время как золотая рыбка предлагает старику исполнение любых желаний в качестве откупа за свою свободу. Фея заведомо знает, что присущая людям алчность приведёт старика со старухой к ссоре, и поэтому заранее осведомляет их о том, что последнее желание должно быть общим. Золотая рыбка, напротив, в качестве благодарности старику безоговорочно продолжает исполнять желания несмотря на уже обрётённую свободу, что делает её великодушным персонажем; и лишь когда старуха начинает требовать невозможное рыбка решает проучить её не только молча перестав исполнять её желания, но и вернув всё, как было в начале сказки. Таким образом один и тот же

урок в двух сказках преподаётся по-разному: фея, как персонаж более доброжелательный, даёт супругам шанс помириться и стремится доказать им, что счастье — не в богатстве, а в любви и понимании; в русской сказке, в свою очередь, отношения супругов не налаживаются, а внезапная потеря богатств является для старухи большим ударом, нежели для героев испанской сказки, которые вынуждены вернуться в исходную ситуацию с целью исправить собственные ошибки, допущенные в первых двух желаниях.

После длительного изучения волшебных сказок В.Я. Пропп в своей книге утверждает, что этому жанру свойственен довольно однотипный сюжет: главный герой либо напрямую страдает от действий антагониста, либо обязан выполнять поручения антагониста и других персонажей сказки; по мере того как развивается сюжет, главный герой овладевает волшебными предметами либо получает волшебные способности от встретившегося на пути помощника (Propp, 1985: 59). Подходит ли это наблюдение под наши две сказки? В произведении А.С. Пушкина старик (главный герой) обязан подчиняться старухе (антагонисту), при этом её поведение наносит моральный и физический ущерб старику. Что касается волшебных предметов или способностей, то в этой сказке они отсутствуют; старик выступает лишь посредником между двумя другими персонажами и не получает ничего от волшебного помощника. Однако рыбка всё же помогает ему своими действиями в какой-то степени: сначала она соглашается выполнять желания старухи, чтобы та перестала бранить мужа, а в конце преподаёт старухе урок, после которого она больше не осмелится требовать что-либо от старика.

Что до испанской сказки, то здесь ситуация обстоит несколько иначе. Нельзя сказать, что мы имеем дело с антагонистом, вредящим главному герою, поскольку оба супруга поочерёдно наносят друг другу оскорбления. Они не выполняют поручения друг друга, а действуют независимо от сложившейся ситуации с целью отомстить (второе желание) или исправить свои ошибки (третье желание). В отличие от «Сказки о рыбаке и рыбке», где волшебный помощник (рыбка) самолично реализует все желания, в сказке «Три желания» старик со старухой сами могут это делать. Таким образом, можно заключить, что возможность осуществить три любых желания и является той волшебной способностью, которой наделил супругов волшебный помощник (фея).

Как утверждают Л.В. Соколова и Р. Гусман, в отличие от некоторых других прозаических жанров устного народного творчества в волшебных сказках почти всегда отсутствует религиозный оттенок (Sokolova, 2003: 153). Несмотря на тот факт, что основой для магических предметов и волшебных персонажей послужили именно древние религии и верования, со временем религиозные корни ослабли и исчезли вовсе, а оставшиеся сказочные элементы стали исключительно фантастическими, потерявшими связь с реальностью в мире новых народов и верований.

В сюжете обеих сказок, которые я сопоставляю, религиозный мотив не играет никакой роли в сюжете. Но религиозное упоминание всё же присутствует в репликах персонажей обоих произведений. В сказке «Три желания» старуха упоминает пословицу *«pero en el pecado llevas la pertinencia»* («но в грехе несёшь ты наказание»), а её супруг несколько раз употребляет выражение *«por Dios»* («ради Бога»). В сказке А.С. Пушкина мы наблюдаем тот же феномен: старик, отпуская рыбку, говорит ей «Бог с тобою, золотая рыбка», а на протяжении всей сказки сама рыбка, прощаясь со стариком, произносит «Не печалься, ступай себе с богом». В обоих случаях упоминания Бога являются всего лишь

устойчивыми лексическими сочетаниями, которые употребляются в разговорной речи и по сей день и не несут в себе никакого религиозного характера.

Также не будем забывать, что в черновой рукописи А.С. Пушкина всё же был существенный религиозный мотив. В одном из куплетов старуха заявляет: «Не хочу я быть вольною царицей, я хочу быть римскою папой!», после чего рыбка исполняет её желание. Можно предположить, что писатель исключил эту часть из финальной версии сказки по той причине, что католический мотив не вписывался в сказку славянских народов, чьей верой было православное христианство. Что касается сказки «Три желания», то ранее в работе уже упоминалась, что на предыдущих этапах формирования сюжетной линии религиозный мотив был неотъемлемой чертой сказки, как в арабской версии, так и в католическом варианте. Чем могла быть вызвана замена бога на фею в качестве исполнителя желаний? Вероятно, можно согласиться с выводом И.А. Журавлёвой о том, что испанские сказки в первую очередь призывали к соблюдению общественных норм. Правила сожителства, безусловно, распространялись на всех членов общества в независимости от их вероисповедания, и крайне важно было объединить их учитывая то, что на Иберийском полуострове на протяжении веков помимо местных языческих племён сосуществовали и христиане, и мусульмане, и евреи. Фея же, в свою очередь, добавляет сказке красочности и является экзотическим и волшебным символом Добра для людей любой религии.

Помимо всего, немаловажно подчеркнуть важность магических чисел в произведениях народного творчества. Самым типичным для сказочных сюжетов является число три, а точнее, трехкратное повторение. Как утверждает В.Я. Пропп, именно с третьего раза в сюжете достигается отличительный эффект, что приводит к желаемому результату в отличие от первых двух (Пропп, 1985: 84). Название испанской сказки изначально указывает на соблюдение этой особенности. Первые два желания супругов в сказке «Три желания» не приносят им успеха, и лишь на третьем они исправляют ситуацию и мирятся. В «Сказке о рыбаке и рыбке» старуха загадывает не три, а пять желаний, но без трехкратного повторения не обошлось и здесь: в самом начале сказки, после двух неудачных попыток, старик забрасывает невод в третий раз и лишь тогда ловит рыбку. Кроме того, А.С. Пушкин решил ещё больше подчеркнуть значимость тройки — старик со старухой жили у моря «тридцать лет и три года».

Ещё одну весьма важную роль в фольклорных произведениях, в том числе и волшебных сказках, играет природа. В далёком прошлом народы поклонялись природным явлениям и элементам и почитали их, как богов, поэтому они встречаются в любой сказке. Сюда входят животные и растения, смена дня и ночи, компоненты ландшафта и пр. В этом сказки, которые я сравниваю, очень сильно отличаются друг от друга. В сказке «Три желания» природа не играет практически никакой роли; всё предпочтение отдаётся действиям людей, не выходящим за порог своего дома на протяжении всей сказки, поэтому сюжет попросту не располагает к наличию каких-либо природных элементов и явлений. Более того, волшебный помощник также имеет человеческий облик, хоть и миниатюрный.

В «Сказке и о рыбаке и рыбке» мы встречаем важный природный элемент — море. Именно оно является средой обитания волшебного помощника, который имеет форму животного (рыбка). Море также является источником дохода супружеской пары, поскольку старик всю жизнь добывает на пропитание рыболовством. Наконец, море

имеет собственный характер, оно динамично: каждый раз, когда старик возвращается к морю с желанием от старухи, вода чернеет, ветер дует сильнее, а волны поднимаются выше. Таким образом море отражает состояние рыбака, у которого на душе становится всё тяжелее из-за характера жены, а также состояние рыбки, которая исполняет с каждым разом всё более алчные желания впредь до последнего.

Хотелось бы также отметить, что в сказках этого жанра герои вовсе не удивляются волшебству, творящемуся вокруг. «Сказочные чудеса не осознаются её персонажами как нечто ирреальное. Они — норма сказочного мира» (Ковтун: 1999: 6). В испанской сказке супружеская пара несколько не удивляется появлению феи и думает лишь о том, как бы с помощью необъяснимого чуда улучшить своё материальное положение. Однако с реализацией первого (появление кровянки) а затем и второго желания (прилипание кровянки к носу) старики не могут поверить в то, что совершенно случайно осуществили драгоценные желания: «*La mujer se quedó mirándola con la boca abierta y los ojos asombrados*» («Женщина осталась смотреть на неё с открытым ртом и удивлёнными глазами»). В сказке А.С. Пушкина тоже присутствует удивление со стороны героя: «Удивился старик, испугался: он рыбачил тридцать лет и три года и не слыхивал, чтоб рыба говорила»; старуха, в свою очередь, не только не удивляется творящимся вокруг неё чудесам, но и с каждым разом жаждет большего, не зная ни благодарности, ни границ.

В сказках также нередко встречается золотой цвет, в который окрашены некоторые объекты и даже волшебные персонажи. В своей работе Т.В. Зуева замечает, что «неотъемлемой художественной чертой жанра является красочное сияние золотых предметов сказочного мира — в данном случае эпитет «золотой» обозначает цвет солнца» (Зуева, 2002: 152). В испанской сказке эта особенность встречается в описании феи: «*una corona de oro*» («корона из золота») и «*un cetro chiquito de oro*» («маленький жезл из золота»); кроме того, здесь же присутствуют огонь и искры, которые также связаны с золотым цветом и его символикой: «*las chispas que alegres se levantaron con un pequeño estallido como cohetitos de fuego*» («искры, которые весело взлетели со вспышкой, словно огненные фейерверки»). А.С. Пушкин, в свою очередь, придал этому цвету ещё большую значимость, сделав саму исполнительницу желаний золотой: «Пришел невод с одною рыбкой, с непростой рыбкой, — золотою». Оттого рыбка кажется ещё более волшебной и в то же время воспринимается как абсолютная сторонница Добра. Помимо этого, золото символизирует также и богатство, например, наличие золотых перстней на руках старухи после того как она становится дворянкой.

Наконец, проанализируем мораль обеих сказок и впечатление, которое они производят на слушателей и/или читателей. Как известно, волшебные сказки никогда не заканчиваются победой Зла, ведь их цель — показать слушателю, что лишь с помощью Добра можно добиться желаемого. Таким образом народы стремились передать свои моральные ценности следующим поколениям, и потому сказки рассказывались не только в развлекательных, но и в педагогических целях (Rodríguez, 1987: 30). Главному герою всегда присущи доброта, щедрость, честность и храбрость, в то время как противостоящим ему персонажам свойственны ярко выраженные негативные качества: злость, жадность и использование других для собственной выгоды. «Сказки реагировали на негативные стороны жизни, противопоставляли им свое, справедливое решение.

Нельзя не заметить того, что они сочувствуют беззащитным, обиженным, невинно гонимым — идеализируют этих героев, делают их счастливыми» (Зуева, 2002: 142-143).

Обе сопоставляемые мною сказки имеют похожую мораль: они показывают, что жадность и алчность не приводят ни к чему хорошему, и чем больше незаслуженного требует человек, тем меньше он получает в конце. Помимо этого, испанская сказка дополнительно учит, что счастье — не в богатстве, а во внутреннем спокойствии и в умении ценить нажитое честным трудом, а также в уважении к близкому человеку. В конце сказки «Три желания» оба героя всё же осознают свои ошибки и далее продолжают жить счастливо, хотя они так и не смогли воспользоваться желаниями, чтобы стать богаче: *«los devolvió a la situación anterior y fueron tan felices»* («она вернула их в прежнюю ситуацию, и были они счастливы»). Такая концовка придаёт всему произведению приятный, тёплый оттенок, чего не сказать о «Сказке о рыбаке и рыбке». Произведение А.С. Пушкина более трагично: во-первых, концовка не подразумевает победу Добра — старику никак не возмещается моральный ущерб, который он пережил на протяжении всей сказки, и он так и не успевает помириться с женой; во-вторых, рыбака не отвечает старику при их последней встрече, исчезая в разбушевавшейся чёрной воде; и в-третьих, последние строки всё же вызывают у слушателя жалость к старухе, даже несмотря на то, что в сказке она является антагонистом — в конце концов, она тоже человек, а людям в силу своей природы свойственно допускать ошибки.

3.2. Сопоставление художественно-композиционных особенностей

Теперь я рассмотрю особенности языка и художественной формы обоих произведений. Ранее в работе упоминалось, что сказка «Три желания» — народное произведение неизвестного автора, которое было записано несколькими испанскими писателями, составлявшими сборники испанских сказок. Их целью являлось как можно точнее передать сюжетные особенности произведения, в то время как художественно-композиционные отступили на второй план. Со «Сказкой о рыбаке и рыбке» ситуация обстоит иначе: необходимо учитывать, что её автором является выдающийся русский писатель А.С. Пушкин, для которого язык и форма произведения играли очень важную роль помимо сюжетной линии. А.С. Пушкин очень хорошо знал и любил народное творчество, и поэтому использовал особенности волшебных сказок в своём произведении.

Для начала обратим внимание на структуру и форму. Первое отличие, которое можно заметить ещё до прочтения обеих сказок, — это стихотворная форма сказки А.С. Пушкина, хотя в ней и отсутствуют как рифма, так и жёсткий ритм (количество слогов в строках). Для большей простоты сюжет волшебных сказок обычно чётко разбит на части, в которых, в свою очередь, повторяется одна и та же ситуация. К сказке «Три желания» эта особенность может быть не заметна с первого взгляда, потому как каждое из трёх желаний — уникальное, и герои реагируют на сложившиеся обстоятельства каждый раз по-разному. Тем не менее, при детальном анализе можно заметить, что повторение в некоторой степени всё же присутствует, а именно между двумя желаниями. Старуха, загадавшая первое желание, сама же удивляется произошедшему чуду, а старик злится

на жену за нелепую ошибку: «*La mujer se quedó mirándola con la boca abierta y los ojos asombrados. Pero el marido se levantó desesperado...*» («Женщина осталась смотреть на неё с открытым ртом и удивлёнными глазами. Но муж встал, отчаявшийся,...»); когда старик вскоре после этого загадывает второе желание, реакция героев повторяется, соответственно, в обратном порядке: «*Ahora le toca asombrarse al viejo, y desesperarse a la vieja*» («Теперь очередь старика удивляться, а старухи — отчаиваться»). Таким образом, формы «*asombrados—asombrarse*» («удивлённые—удивляться») и «*desesperado—desesperarse*» («отчаявшийся—отчаиваться») подчёркивают наличие повторения структуры в этой части сюжета. Помимо этого, повторения также встречаются в диалогах персонажей; в самом первом разговоре старик со старухой по очереди озвучивают некоторые из своих желаний в одинаковой форме:

—*¡Si yo en lugar de mi hacecilla —decía el viejo—, que es de mal terruño y no sirve sino para revolcadero de un burro, tuviese el rancho del tío Polainas!*
 —*¡Y si yo —añadía su mujer—, en lugar de esta, que está en pie porque no le han dado un empujón, tuviese la casa de nuestra vecina, que está en primera vida!*
 —*¡Si yo —proseguía el marido—, en lugar de la burra, que no puede ya ni con unas alforjas llenas de humo, tuviese el mulo del tío Polainas!*
 —*¡Si yo —añadió la mujer— pudiese matar un puerco de 200 libras como la vecina! Esa gente, para tener las cosas, no tienen sino desearlas. ¡Quién pudiera ver cumplidos sus deseos!*

В последнем диалоге героев тоже можно наблюдать повторение:

—*Mujer, por Dios. ¿y el rancho?*
 —*Nada.*
 —*Mujer, por Dios. ¿y la casa?*
 —*Nada.*

В русской «Сказке о рыбаке и рыбке» эффект повторения усилен с помощью стихотворной формы и языковых оборотов, которые А.С. Пушкин намеренно добавил в произведение. За исключением начала и конца сказки, каждому желанию старухи сопутствуют похожие диалоги и действия. Например, обращение старухи к старику:

«Дурачина ты, простофиля!
 Не умел ты взять выкупа с рыбки!
 Хоть бы взял ты с нее корыто,
 Наше-то совсем раскололось».

«Дурачина ты, простофиля!
 Выпросил, дурачина, корыто!
 В корыте много ль корысти?
 Воротись, дурачина, ты к рыбке;
 Поклонись ей, выпроси уж избу».

«Дурачина ты, прямой простофиля!
 Выпросил, простофиля, избу!
 Воротись, поклонись рыбке:
 Не хочу быть черной крестьянкой,
 Хочу быть столбовою дворянкой».

«Воротись, поклонись рыбке:
 Не хочу быть столбовою дворянкой,
 А хочу быть вольною царицей».

«Воротись, поклонись рыбке.
 Не хочу быть вольною царицей,
 Хочу быть владычицей морскою»

Ещё один пример — момент, когда старик отправляется к рыбке:

Вот пошел он к синему морю;
Видит, — море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»

Вот пошел он к синему морю,
(Помутилось синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»

Пошел старик к синему морю;
(Не спокойно синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»

Старичок отправился к морю,
(Почернело синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»

Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»

Во многих повторяющихся строках «Сказки о рыбаке и рыбке» изменены только некоторые слова, однако есть также и строки, которые повторяются дословно, что делает произведение легко запоминающимся для слушателя или читателя. Благодаря такому роду повторений, которые мы увидели в обеих сказках, слушателю проще воспринимать сюжет и ориентироваться в общей структуре произведения. Поэтому на протяжении веков текст сказок передавался из поколения в поколение с меньшим количеством изменений, чем, к примеру, текст легенд.

Ещё одной отличительной чертой являются традиционные начальные и заключительные устойчивые словосочетания, такие как «жили-были...» в русских сказках или «*había/érase una vez...*» («были однажды...») в испанских. Любой читатель или слушатель сразу же распознает волшебную сказку только лишь по начальной фразе (Pisanty, 1995: 37). Сказка «Три желания» начинается с фразы «*Había un matrimonio anciano...*» («Была пожилая супружеская пара...») и заканчивается коротко и просто: «*...у fueron tan felices*» («...и были они счастливы»). А.С. Пушкин не стал дословно придерживаться традиционного зачина, но и не отказался от него полностью: «Жил старик со своей старухой...»; традиционная концовка отсутствует вовсе, поскольку конец у этой сказки — трагичный.

В отличие от других фольклорных жанров, для волшебных сказок типично присутствие рассказчика, будто он самолично наблюдал за развитием событий (Pisanty, 1995: 40). Повествование ведётся от третьего лица, однако можно встретить глаголы и в первом лице, т.е. от лица рассказчика, а также во втором лице в случае обращения к слушателям. Этот приём добавляет сказке достоверности, хоть и не претендует на то, чтобы слушатель в неё поверил. Лишь в сказке «Три желания» можно встретить пример этой особенности: «*Dejo a la consideración de ustedes*» («Оставляю вашему вниманию»). Что касается русских народных волшебных сказок, в том числе и некоторых произведений А.С. Пушкина, то данная особенность встречается в известной заключительной фразе «И я там был, мёд и пиво пил...». Однако в «Сказке о рыбаке и рыбке» этот приём отсутствует; очевидно, что поскольку в конце старик со старухой остаются ни с чем, то и «мёда с пивом» на несостоявшемся пиру для рассказчика не нашлось.

Перейдём к анализу риторических фигур, встречающихся в обоих произведениях. В связи с тем, что в сказках на первое место выходит действие, то описания мест и предметов не играют важной роли; они окрашены в базовые цвета, такие как красный, синий или золотой (Pisanty, 1995: 36). Зачастую используются эпитеты, которые придают тому или иному элементу особое значение и приукрашивают его. Так, например, в тексте «Сказки о рыбаке и рыбке» можно встретить существительное «море» много раз, при этом в большинстве случаев оно сопровождается прилагательным «синее». Второй повторяющийся на протяжении всей сказки эпитет — «золотая рыбка». Помимо этих двух элементов, которые имеют для сюжета особую значимость, встречаются также и другие прилагательные, функция которых — эстетическая. Например, старуха хочет перестать быть «чёрной крестьянкой» и стать «столбовою дворянкой», а затем «вольною царицей». Остальные прилагательные добавлены для описания новых элементов, таких как «красные сапожки», «усердные слуги» и «грозная стража».

В отличие от произведения А.С. Пушкина, в сказке «Три желания» не содержится много эпитетов и прилагательных. Однако, как и положено для сказочного жанра, несколько примеров всё же можно найти: «*blanco humo*» («белый дым»), «*bella hechicera*» («прекрасная волшебница»), «*afortunados vecinos*» («успешные соседи») или «*mal terruño*» («поганая земелька»); первые два передают красоту феи, третий усиливает контраст между материальными положениями главных героев и их соседей, а четвёртый подчёркивает недовольство старика своим участком земли. Хотя в испанской сказке почти не встречаются эпитеты, зато здесь в большом количестве присутствует другая типичная для волшебных сказок риторическая фигура: гипербола. Именно благодаря преувеличениям сказка «Три желания» приобретает комичный, юмористический оттенок, тогда как в русской сказке скорее можно говорить о сатире. Примерами гиперболы являются следующие выражения:

*...no sirve sino para revolcadero de un burro;
...está en pie porque no le han dado un empujón;
...no puede ya ni con unas alforjas llenas de humo;
...la morcilla más hermosa que hubo, hay y habrá en el mundo.*

Помимо гиперболы, весёлый оттенок испанской сказке также придают комичные сравнения, например:

*... la cantidad de deseos que como pretendientes a la puerta de un ministro les asediaron;
... eres más golosa y comilona que la tierra;
¡Más tonta que un habar!*

Некоторые слова и словосочетания также добавляют юмора сказке. Например, выражение «*consultarla con la almohada*» («посоветоваться с подушкой») означает «принять решение после сна»; во фразе «*ya estaba la morcilla colgando del sitio indicado*» («кровянка уже свисала с указанного места») последние два слова заменяют «нос», а строчками ниже «*el apéndice*» («приросток») и «*doble nariz*» («двойной нос») относятся к кровянке, свисающей с носа старухи.

В свою очередь, произведение А.С. Пушкина не обладает художественными особенностями, придающими ему юмористический оттенок, поскольку целью автора

было сделать сказку более мрачной и трагичной, чем волшебные сказки со счастливым концом. Но всё же и здесь не обошлось без выше упомянутых риторических фигур. Фраза «На чём свет стоит мужа ругает» содержит устойчивое сочетание, которое является гиперболой («на чём свет стоит» означает «очень сильно»). Ещё одна гипербола встречается в словах старика, когда тот насмехается над желанием старухи стать царицей: «Что ты, баба, белены объелась? [...] Насмешишь ты целое царство». Это и есть, пожалуй, единственный фрагмент с юмористическим оттенком во всём произведении.

Наконец, оба произведения написаны сказочным языком, который придаёт сказкам литературный и архаичный характер. Обе сказки появились очень давно, и особенности языка передавались из поколения в поколение вместе с сюжетом. Сказочный язык создаётся при помощи лексики, частиц, порядка слов, окончаний падежей, устойчивых языковых оборотов и др., которые в современном языке не употребляются, однако всякий читатель и слушатель способен понять их, поскольку такие элементы типичны для произведений народного творчества.

Например, в сказке «Три желания» в предложении «*Una noche de invierno estaban sentados marido y mujer a la lumbre de su tranquilo hogar...*» сказуемое «*estaban sentados*» («сидели») поставлено перед подлежащим «*marido y mujer*» («муж и жена»), тогда как естественный порядок элементов для испанского языка — подлежащее перед сказуемым. В случае со «Сказкой о рыбаке и рыбке» также можно найти примеры инверсий: в строках «Заедает она пряником печатным» и «Хочу быть владычицей морскою» прилагательное стоит после существительного, что не соответствует естественному порядку этих элементов в русском языке и воспринимается читателем как особенность литературной речи.

Что касается лексики, то в обеих сказках присутствуют устаревшие слова или словосочетания. Большинство из них являются синонимами новых, употребляемых сегодня слов. В примеры можно привести слово «*hacecilla*», которое не фигурирует ни в словарях, ни в каких-либо других произведениях, или наречный оборот «*en amor y compañía*» («в любви и компании»), который теперь употребляется в форме «*en amor y compañía*». В сказке А.С. Пушкина устаревших слов гораздо больше: «старче» (старик), «слыхивал» (слыхал, слышал), «кликать» (звать), «пуще» (сильнее), «пред» (перед), «очей» (глаз), «Окияне» (океане) и др. В этой же сказке можно встретить слова, обозначающие предметы, которые больше не встречаются в повседневной жизни, такие как «кичка» (старинный женский головной убор).

Кроме того, необходимо учитывать, что важную роль в сказках играет разговорная речь, т.е. речь персонажей, которая резко отличается от повествования рассказчика с лексической точки зрения. В репликах персонажей сказки «Три желания» встречаются неестественные для реальной ситуации повторения («¡Y si yo...!») и литературные выражения, такие как «*у no quisiese más sino que...*» («и я бы не хотел ничего больше, чем чтобы...»). В русской сказке из-за стихотворной формы произведения реплики персонажей в некоторых строках содержат не только литературные слова и выражения, но также и рифму («Ступай себе в синее море, гуляй там себе на просторе»). Помимо этого, в сказке А.С. Пушкина встречаются неперебиваемые на испанский язык разговорные частицы: «В корыте много ль корысти?»; «А землянки нет уж и следа». И напоследок, в этой сказке встречается грамматическая особенность, которая придаёт произведению книжный стиль, а именно окончание «-ю» в творительном падеже многих

существительных женского рода, типичное именно для литературных произведений или народного творчества: «Пришёл невод с одною рыбкой, с непростою рыбкой, — золотою». Испанский язык не может передать эту особенность за неимением падежей.

Таким образом, мы видим, что сопоставляемые мною произведения имеют и сходные черты, определяемые единым жанром волшебной сказки, и различные черты, обусловленные темой, сюжетом, героями — всем тем, что позволяет воплотить авторский замысел. И несмотря на то, что сказки очень похожи между собой, они производят на слушателя совершенно разные впечатления.

4. Перевод испанской сказки «Три желания» на русский язык

4.1. Введение

Для того, чтобы прийти к наиболее правильному варианту перевода сказки «Три желания», как и в случае с любым другим текстом, необходимо учитывать некоторые предварительные требования, а именно: цель перевода, место публикации и тип читателя. Представим, что мне поручили следующий фиктивный заказ: перевести сказку «Три желания» для двуязычного сборника испанских народных произведений, который будет издан для ознакомления русскоязычных любителей фольклора с испанским народным творчеством. Исходя из этого, я решила осуществить художественный перевод сказки. Этот вид перевода «предполагает творческое преобразование подлинника с использованием всех необходимых выразительных возможностей переводящего языка, сопровождаемого возможно более полной передачей литературных особенностей оригинала» (Казакова, 2002: 6). В моём случае под понятием «литературные особенности» имеются в виду черты сказочного жанра. Иными словами, нужно не только пересказать сюжет и сохранить культурологические элементы, но и использовать при этом художественные особенности волшебных сказок: традиционную начальную фразу, элементы разговорной речи, поговорки, повторения и т.д.

В то же время такой перевод не должен являться своего рода свободным пересказыванием оригинала; рекомендуется придерживаться исходного текста настолько, насколько это возможно. Но это вовсе не значит, что перевод должен быть буквальным, поскольку главной целью остаётся передача содержания исходного текста в наиболее естественной для русского читателя форме (Orozco, 2012: 151). Также крайне важно, чтобы перевод был воспринят русским читателем точно так же, как и испанский читатель воспринимает оригинал — лишь в этом случае цель перевода будет достигнута (Огнева, 2012: 9). Поэтому перевод сказки «Три желания», как и исходный текст, должен быть поучительным и в то же время забавлять читателя. Однако для достижения последнего не стоит добавлять в перевод больше эмоций, чем нужно (Казакова, 2002: 25) — речь идёт о переводе исходного текста на другой язык, а не о составлении собственного произведения на его основе.

Чтобы избежать буквальности, необходимо проанализировать единицы перевода разного уровня; это могут быть как отдельные слова, так и группы слов (фразеологизмы, пословицы, абзацы...); после выделения единицы перевода (например, фразеологизма) нужно подобрать его эквивалент на русском языке. Выдающийся лингвист В.С. Виноградов очень точно определяет понятие эквивалентности как «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» (Виноградов, 2001: 18). Также важно не забывать, что весь текст от начала до конца тоже является единицей перевода (Огнева, 2012: 10), а это значит, что все единицы других уровней должны быть логически связаны между собой, образуя одно большое целое.

Весь переводческий процесс занял несколько этапов. Первая черновая версия перевода была наиболее близкой к тексту испанской сказки, почти буквальной; в ней я

выделила самые главные трудности — фрагменты, над которыми заведомо было необходимо дополнительно поработать. Второй черновой перевод оказался значительно лучше: я попыталась решить основные переводческие трудности, с которыми я столкнулась в первой версии, а также подобрать более адекватную лексику. В третьем черновом переводе прогресс был ещё более заметен: на этот раз я уделила основное внимание сказочному стилю; в этом мне пригодились знания, полученные из предварительного анализа жанровых особенностей волшебных сказок. В финальной версии я позаботилась о том, чтобы перевод сказки выглядел органичным для русского читателя/слушателя; необходимо было убедиться, что произведение соответствует сказочному жанру с художественной точки зрения, а содержание сказки передано как можно более точно.

Наконец, важную часть данной дипломной работы составляют комментарии к переводу. По мере того, как я сталкивалась с трудностями различного рода и степени, относящимися к определённому слову, словосочетанию, предложению или даже целому абзацу, я сделала соответствующие комментарии. В каждом из них я представила буквальный перевод фрагмента, затем обосновала, почему такой вариант не может быть использован в качестве перевода, после чего предложила наиболее удачный, с моей точки зрения, вариант перевода.

4.2. Комментированный перевод испанской сказки «Три желания» на русский язык

Жили-были старик со старухой¹.² Все эти годы³ они работали и заботились о своём участочке⁴, и пускай жилось им бедно⁵, зато спокойно. Вот в один зимний вечер⁶ сидели муж с женой при свете⁷ очага в любви и согласии⁸ да⁹ перечисляли чужое добро¹⁰, о котором сами мечтали:

-
- 1 Буквальный перевод «Была пожилая супружеская пара» не подходит к сказочному языку, тем более, что речь идёт о начальной фразе. Нам известно, что распространённое начало в русских сказках – «жили-были». Чтобы выразить «пожилая супружеская пара» более естественным путём, я обратилась к русским народным сказкам, в которых представлены те же персонажи, что и здесь (например, «Колобок») и переняла из них фрагмент «старик со старухой».
- 2 В своём переводе я разделила одно предложение на две части, немного изменив порядок подачи информации, потому как в русском языке неестественно звучит буквальный перевод: «Была пожилая супружеская пара, которая хоть и бедная, очень хорошо провела всю свою жизнь, работая и заботясь о своём маленьком участке земли». Из этого выделяем три важных факта о жизни стариков: они были бедными; всю жизнь они прожили за счёт обработки маленького земельного участка; до этого момента их сожительство было относительно спокойным (об этом говорит «очень хорошо провела»). Учитывая эти факты, я построила два предложения на русском языке: первое представляет персонажей, а второе полностью описывает их образ жизни; таким образом я попыталась максимально точно передать всю информацию.
- 3 Буквальный перевод «всю свою жизнь» подошёл бы лучше, но так как в этом абзаце уже есть два глагола «жить» («жили-были» и «жилось»), я использовала другую структуру, которая имеет тот же смысл, чтобы избежать повторения.
- 4 «*Hacienda*» можно перевести как «ферма», «поместье», «усадьба» и т.п. В официальном испанском толковом словаре первое значение слова — «*finca agrícola*» («земледельный участок»), однако пятое значение подразумевает и наличие скота («*conjunto de ganados de una finca*»). Для перевода нам нужно подчеркнуть, что старик со старухой жили бедно, т.е. кроме ослицы, которую они используют для транспортировки, животных у них не было (это становится понятно из первого диалога, когда старуха хочет соседскую свинью, при этом не упоминая свою). Исходя из этой информации, я немного расширила первое определение и перевела слово как «участок», а прилагательное «*requieño*» («маленький») заменила уменьшительным суффиксом.
- 5 В буквальном переводе «хоть и бедная» отсутствует какой-либо глагол, но, учитывая перестановку элементов всего предложения, я решила выразить эту информацию с помощью безличной формы глагола «жить» и транспозиции грамматической категории — превратить прилагательное «бедная» («*pobre*») в наречие «бедно»; используя эту же структуру, с помощью наречия «спокойно» я упомянула и тот факт, что, несмотря на бедность, они жили в гармонии.
- 6 Испанское существительное «*noche*» является омонимом русского «ночь», но имеет другой смысл в этой сказке, потому что в испанской и русской культурах разная система деления суток. «Ночью» испанцы называют не только глубокую ночь, но и поздний вечер (как только наступает темнота); в то время как в русском языке под словом «ночь» мы скорее понимаем тот промежуток времени, когда спим.
- 7 В оригинале есть прилагательное «спокойного», но я решила убрать его, потому что, как правило, оно применяется к одушевлённому существительному, которым «очаг» не является. В этом случае оно всего лишь означает, что огонь горел плавно, поэтому отсутствие упоминания этой информации не подразумевает существенную потерю содержания.

¹¹— Эх¹² была бы у меня такая земля¹³, как у кума¹⁴! — промолвил старик.— А то на этом поганом клочке земли¹⁵ даже сорняки расти не хотят¹⁶.

8 Буквальный перевод: «в любви и компании»; здесь мы имеем дело с фразеологизмом, эквивалент которого в русском языке — «в любви и согласии». Упоминание этого выражения подчёркивает, что до появления феи старик со старухой не ссорились, любили и уважали друг друга. Но как только у них появилась возможность завладеть чем угодно с помощью желаний, они вмиг забыли о «любви и согласии», которые были с ними на протяжении всей совместной жизни. Таким образом, сказка даёт понять, какова истинная природа человеческой натуры.

9 В исходном тексте эти два предложения соединены знаком препинания «;», но, на мой взгляд, чрезмерное использование этого знака препятствует плавному чтению сказки. Поэтому я соединила предложения союзом «да», который является типичным для народного творчества вариантом союза «и», и таким же образом использовала его на протяжении всего перевода.

10 Дословный перевод «наиболее ценное имущество, которого добивались другие» звучит неестественно. Зато в русском языке есть выражение «чужое добро», которое означает «ценное имущество во владении других». Кроме того, это выражение является разговорным и подходит к сказочному языку, чего нельзя было бы сказать о таких словах, как «имущество» или «ценности».

11 Порядок предложений в первых трёх репликах изменён. В отличие от оригинала, где старики сначала жалуются на собственное имущество, а потом выражают желание иметь лучший вариант (как у кума или соседки), в моём переводе они сначала сразу озвучивают, чего желают, а затем поочерёдно критикуют свою землю, дом и ослицу.

12 Дословно начало звучит так: «Если бы я имел/а...»; однако в русском языке естественное выражение владения чем-либо — это предлог «у» с родительным падежом и глаголом «быть» («у меня есть»). Кроме того, я добавила междометие «эх» в начале реплик супругов — оно выражает досаду и сожаление того, что у них нет желаемых богатств, а также визуально усиливает то внутреннее повторение, которое наблюдается в исходном диалоге.

13 Испанское слово «*rancho*» существует в русском языке («ранчо»), однако может вызвать у читателя несколько иные ассоциации — с Латинской Америкой и США. Чтобы не допустить этого, вместо слова «ранчо» я выбрала свободное от ненужных коннотаций слово «земля».

14 Дословный перевод «как у дяди Полайнаса» представляет собой две проблемы. Во-первых, слово «*tío*» в испанском языке не обязательно означает родственную связь — в жаргоне им можно назвать любого мужчину; в то время как в русском языке «дядя» используется, помимо родственной связи, для обозначения взрослого мужчины по отношению к ребёнку, что не подходит к нашей сказке. Поэтому за подсказкой я обратилась к другим народным сказкам и увидела, что в них упоминается другая, некровная связь — кумовья (если действия происходят в деревне или селе, как в данном случае). Во-вторых, транслитерация имени собственного «Полайнас» выглядела бы крайне неестественно для русского читателя (хоть он и знает, что перед ним перевод испаноязычной сказки); поэтому, учитывая, что этот персонаж не играет никакой роли в сюжете, я решила не упоминать его имя, оставив просто «кум».

15 Старик дословно описывает свои владения как «участок земли с плохой почвой», однако такой перевод звучал бы слишком нейтрально, поэтому необходимо подобрать лексику, которая бы подчёркивала недовольство старика своей землёй. Для этого вместо слова «участок» я использовала «клочок», а фразу «*que es de mal terruño*» я решила перевести одним только разговорным прилагательным «поганый»; таким образом фраза обретает презрительный тон, который в испанском достигается с помощью существительных «*hacecilla*» и «*terruño*».

16 В оригинале старик дословно приравнивает свою землю к «месту, где мог бы разве что валяться осёл»; это значит, что на такой земле невозможно ничего выращивать. Одна теория гласит, что это выражение является отсылкой к моменту, когда давным-давно в Галисии человек решил не

— Эх был бы у меня такой новенький¹⁷ дом, как у соседки! — сказала его жена. — Наш-то чудом не рухнул ещё — поди вон, стену толкни¹⁸.

— Эх был бы у меня такой мул, как у кума! — продолжил старик. — Наша ослица уже не то, что мешки таскать — на ногах стоять не может¹⁹.

— Эх зарезать²⁰ бы мне такую здоровенную²¹ свинью, как у соседки! — добавила старуха. — Этим богачам²² стоит только пальцем щёлкнуть — и всё у них будет²³. Вот бы и мы так жили!²⁴

убивать своего больного осла и отпустил его бродить по бесплодной болотистой местности, где спустя некоторое время животное само выздоровело благодаря её лечебным свойствам. Русскому читателю эта история неизвестна, поэтому я подобрала другое, тоже слегка комичное преувеличение, которое указывает на непригодность участка для земледелия.

17В испанском тексте старуха описывает дом соседки отдельной фразой «*que está en primera vida*» (буквально: «находится в первой жизни»). Это выражение означает, что дом был построен не так давно, и поэтому он всё ещё красивый и крепкий.

18В буквальном переводе их дом «держится, потому что его не подтолкнули», т.е. уже очень старый и ветхий. На мой взгляд, такая синтаксическая конструкция звучит немного неестественно, поэтому я прибегла к более свободному переводу: добавила разговорные элементы («наш-то», «поди вон»), усилила общий смысл предложения с помощью слова «чудом», сделала антонимичный перевод (Огнева, 2012: 33) фразы «*está en pie*», но при этом сохранила тему с подталкиванием, чтобы сильно не отдаляться от оригинала.

19В оригинале старик жалуется, что ослица «и с мешками дыма справиться не может», имея в виду, что она уже старая и больная, непригодная для перевозок. В русском языке я подобрала фразеологизм «не ногах не стоять», который также указывает на слабость и неспособность к работе. Но в то же время я попыталась не исключить исходное преувеличение с мешками, поэтому добавила «мешки таскать» (глагол «таскать» — разговорный, подходящий к сказочному языку), комбинируя его с русским фразеологизмом.

20В исходном тексте говорится «*matar*» («убить»), но в русском языке этот глагол не применяется к процессу забоя скота. Здесь нужна конкретизация значения (Огнева, 2012: 33), например «забить» или «зарезать»; второй вариант я и поместила в перевод.

21Буквальным переводом было бы «свинью весом в 200 фунтов», однако русский читатель плохо знаком с фунтом как единицей измерения массы. Тем более, что уточнять вес свиньи вовсе не обязательно — нужно лишь передать, что старуха мечтает о довольно увесистой свинье. Данную информацию я выразила с помощью разговорного прилагательного «здоровая» (синоним слова «большая») с добавлением суффикса, увеличивающего меру признака.

22В испанском языке «*esa gente*» («эти люди») сказано в этом контексте с небольшим презрением — именно так в испанской культуре бедные люди относились к богатым (и поэтому популярные сказочные сюжеты выставляют богатство в негативном свете). Если перевести «*gente*» дословно, то презрительный тон в русском языке потеряется, поэтому моим решением было сузить значение и использовать разговорное слово «богачи» по отношению к богатой соседке и богатому куму, которых старуха и имеет в виду в этом предложении.

23Наиболее дословно всё предложение можно перевести так: «Этим людям, чтобы заполучить вещи, нужно только пожелать их». Хотя это и грамматически правильное предложение, с точки зрения сказочного стиля оно требует изменений. Надо учитывать, что «*no tienen sino desear*» является фразеологизмом, который теряется при дословном переводе. Поэтому, в качестве компенсации, я использовала русское выражение «щёлкнуть пальцем», которое указывает на моментальный результат чьей-либо прихоти, и таким образом передаёт смысл оригинального высказывания.

²⁵Как только она произнесла эти слова, глядь²⁶ — к ним по дымоходу спустилась фея²⁷ ослепительной красоты²⁸. Она была настолько маленькой, что уместилась бы на ладони²⁹. На голове у неё, словно у королевы, блестела золотая корона, а одета она была в тунику и вуаль — прозрачные, сотканые из белого дыма. Весёлые искорки будто радостные маленькие фейерверки взлетели со вспышкой³⁰ и осыпали фею яркими блёстками. В руке она держала крошечный золотой жезл³¹, украшенный сияющим рубином.

24Дословный перевод этой фразы на русский язык недопустим, потому что передаёт совершенно другой смысл: «Кто бы мог увидеть их желания исполненными!». В испанском тексте имеется в виду, что старуха хочет, чтоб все эти богатства и ей так же легко доставались. Поэтому здесь я прибегла к свободному переводу и составила фразу, которая несёт в себе тот же смысл и при этом звучит естественно для русского читателя.

25Весь этот абзац полностью состоит из описания феи. Я передала как можно больше деталей из оригинала, но поменяла пунктуацию и структуру некоторых предложений, чтобы подать информацию в более понятной и естественной форме. Я дословно перевела некоторые фрагменты, например эпитет «белый дым» («*blanco humo*») и олицетворение реалии «весёлые искорки» («*chispas alegres*»), потому что они являются художественными особенностями сказки.

26Можно было бы использовать дословный перевод «как увидели они, что», однако в русском языке есть более подходяще для сказочного языка слово — междометие «глядь», которое указывает также на некую внезапность, неожиданность от увиденного.

27В испанском тексте по отношению к фее сначала употребляется слово «женщина» («*mujer*»), но для русского читателя такое обращение к крохотной фее выглядело бы неуместно. И поскольку далее сказка незамедлительно даёт понять, что миниатюрная красавица является волшебным помощником, то я не вижу причин, чтобы не использовать слово «фея» для определения этого персонажа уже с самого начала его появления.

28В испанском языке для эпитета использовалось прилагательное «*hermosa*» в превосходной степени (с суффиксом «*-ísima*»). Вместо дословного перевода («наикрасивейшая» или «чрезвычайно красивая») я решила, с помощью транспозиции, превратить прилагательное «красивая» в существительное в родительном падеже («красоты»), а к нему добавить прилагательное «ослепительная», которое и указывает на превосходную степень.

29Буквальный перевод «её рост не достигал и пол вары» затрудняет понимание фразы для русского читателя, поскольку он не знаком с такой древней единицей измерения длины, как испанская вара (около 80 см). Поэтому для перевода я подобрала совсем другое сравнение, которое заставляет русского читателя вообразить фею примерно того же размера, который указывается в исходном тексте.

30В оригинале говорится, что искры взлетели и «опустились на них» («*se colocaron sobre ellos*»), имея в виду тунику и вуаль, т.е. одежду феи. Но так как эти два существительных остались немного позади, то читателю может быть неясно, к чему относится это местоимение, поэтому я уточнила, что речь идёт о фее. Также я визуализировала сцену падения блестящих искр на фею и сделала вывод, что глагол «осыпать» содержит в себе значение глагола «опуститься», позволяя русскому читателю представить картину со всеми необходимыми подробностями. Поэтому в переводе я исключила фрагмент «и опустились на них», перейдя сразу к следующему фрагменту: «и осыпали фею яркими блёстками».

31Для феи более привычно иметь волшебную палочку, нежели жезл («*cetro*»), однако в этой сказке золотой жезл, как и золотая корона, является символом власти; вероятно, перед нами не простая фея, а королева своего волшебного мира, потому как для исполнения желаний ей даже не приходится использовать какие-либо предметы, жесты или слова — они сбываются сами.

— Меня зовут фея Фортуната³², — представилась она.— Я тут пролетала³³ и услышала ваши жалобы. Вижу, что вы очень хотите, чтоб ваши мечты сбылись, и поэтому я сделаю так, что исполнятся ваши три желания³⁴. Одно твоё, — обратилась она к старухе;— Другое твоё, — сказала она старику.— А третье должно быть общим³⁵. Завтра в этот же час я вернусь и лично исполню ваше последнее желание, а пока у вас есть время его обдумать.

Сразу после этих слов из огня возникло облачко дыма, в котором прекрасная волшебница растворилась.

Думаю, не нужно говорить вам³⁶, как сильно обрадовались старик со старухой. Желаний у них столько набралось, сколько претендентов на пост министра³⁷ — так много, что ни одно не смогли они выбрать. Подумали муж с женой, что всё-таки утро вечера мудренее³⁸, и хорошо бы желания на свежую голову загадывать³⁹. На том и остановились, а пока продолжили о всякой всячине⁴⁰ беседовать.

32Важно сохранить оригинальное имя феи, потому что оно в какой-то степени имеет отношение к теме этой сказки. *Fortunata* происходит от «*fortuna*», что на испанском может означать «удача», «судьба» или «денежное состояние». В русском языке это слово тоже существует (правда, без последнего значения), поэтому я не посчитала нужным придумывать персонажу новое имя, а просто транслитерировала его с испанского на русский.

33Испанский глагол «*pasar*» не уточняет способ передвижения; в русском языке нет похожего глагола. И поскольку маленьким волшебным феям несвойственно ходить пешком, в данном случае самым оптимальным переводом является глагол «пролетать». Ранее, этим же способом она и попала в дом стариков через дымоход.

34Буквальный перевод всего предложения выглядит так: «И поскольку вы так жаждите, чтобы ваши желания сбылись, я пришла предоставить вам три». С точки зрения стиля, русский язык в этом случае не позволяет оставить имя числительное без уточнения, поэтому после «три» нужно добавить «желания»; здесь же становится ясно, почему сказка называется именно так. Чтобы избежать повторения слова «желания», я перевела «*deseos*» как «мечты»; в моём переводе это имеет смысл, потому что ещё в первом абзаце старик со старухой вслух «мечтали» о чужом добре, и именно эти мечты услышала фея. Что касается глагола «*conceder*» то дословный перевод («предоставить») относится скорее к деловому языку, нежели к сказочному; поэтому я решила перефразировать предложение, используя более разговорную речь.

35Если дословно перевести этот фрагмент — «А третье должно быть общим, и на нём вы должны сойтись», то вторая часть содержит повторение («должны») и неподходящий для сказочного языка глагол («сойтись»). Поэтому я исключила вторую часть фрагмента, потому как «общее желание» уже подразумевает, что загадать его нужно вместе, предварительно договорившись.

36В испанской фразе «*Dejo a la consideración de ustedes*» отображено типичное для волшебных сказок присутствие рассказчика и слушателей, которое я считаю нужным добавить и в перевод. Если перевести дословно, то получится выражение «представляю вашему вниманию», однако в русском языке оно используется в совершенно другом контексте (например, в голосовых объявлениях). По этой причине я составила новое предложение, в которое включила как глагол первого лица для присутствия рассказчика («думаю»), так и личное местоимение для присутствия читателей («вам»).

37С моей точки зрения, нужно оставить то же сравнение, что и в оригинале. Во-первых, оно добавляет сказке юмора, а во-вторых, оно указывает на то, что понятие «министр» в то время уже существовало.

38Для того, чтобы компенсировать отсутствие в переводе поговорки «*para consultarla con la almohada*» (буквально: «посоветоваться с подушкой»), которая в русском звучала бы не в меру

Слово за слово⁴¹, и они уже опять обсуждали богатых соседей:

— Проходил я сегодня мимо⁴², и готовили они кровянку⁴³, — промолвил старик. — Да какую кровянку! Я её взглядом так и пожирал⁴⁴.

— Хоть бы и нам одну такую, — ответила старуха. — Чтобы зажарить её на углях да на ужин отведать.

Лишь стоило этим словам прозвучать, как появилась перед ними такая кровянка, которой в мире равных не было, нет и не будет⁴⁵.

Старуха уставилась на неё с открытым ртом, выпучив глаза. Но старик с негодованием вскочил с места и стал ходить по комнате, рвя на себе волосы и ругая жену:

комично, я добавила типичную русскую поговорку «утро вечера мудренее». И та, и другая указывают на то, что обдумывать важные дела и принимать решения лучше всего утром, на свежую голову.

39Если перевести буквально, то получится слишком длинное предложение: «[Желаний] было так много, что, не зная, которое рассмотреть, они решили оставить окончательное решение на следующее утро, и всю ночь для совещания с подушкой, и стали говорить...». Поэтому я разделила его на несколько частей, изменив пунктуацию соответствующим образом. Фраза «решили оставить окончательное решение на следующее утро» звучит в книжном стиле, поэтому я прибегла к свободному переводу: «хорошо бы желания на свежую голову загадывать». Такой вариант, на мой взгляд, точнее передаёт смысл в сочетании с поговоркой «утро вечера мудренее» и более соответствует сказочному стилю.

40Буквальный перевод: «и стали говорить о других незначительных вещах». Такая версия перевода хоть и правильная, но звучит слишком формально, совсем неподходяще для сказки. Чтобы сделать язык более художественным, «другие незначительные вещи» я описала фразеологизмом «всякая всячина», т.е. прочие темы разговора, которые не интересуют читателя.

41«Слово за слово» в этом предложении означает, что к обсуждению соседей они пришли не внезапно, а по мере развития беседы.

42В оригинале не совсем понятно, что имел в виду старик фразой «сегодня я там был»: заходил ли он в гости или просто находился рядом? Исходя из его слов строкой ниже, можно предположить, что домой к соседям он так и не попал, иначе вместо одного вида кровянки («*Daba gloria verlas*») он упомянул бы и тот факт, что ему позволили отведать кусочек. Из этого я сделала вывод, что на момент приготовления кровянки он всего лишь проходил мимо.

43В русском языке существует термин «морсилья», но далеко не каждому читателю он известен. Альтернатива этому блюду в русской культуре — «кровяная колбаса», которую в повседневной разговорной речи мы называем просто «кровянкой»; поэтому я остановилась именно на этом переводе слова «*morcilla*».

44«*Daba gloria verlas*» — фразеологизм, означающий, что один только вид (кровянки) доставлял удовольствие. На протяжении перевода всей сказки, за невозможностью сохранить все комичные моменты и выражения, местами был утрачен юмористический оттенок; поэтому я слегка компенсировала эту потерю и выбрала более разговорный русский фразеологизм «пожирать глазами» в качестве перевода, вместо более близкого к оригиналу нейтрального варианта (например, «кровянка та была — одно загляденье»).

45Вместо буквального перевода «самая красивая, что была, есть и будет на свете» я обратилась к антонимичному переводу, поскольку в русском языке такой вариант звучит лучше.

— ⁴⁶Обжора ты ненасытная⁴⁷, из-за тебя одно желание впустую ушло! Полюбуйся, Господи, на бабу эту. Такую дуру ещё поискать надо! Наказание сплошное. К чёрту иди⁴⁸ со своей кровянкой! Хоть бы она тебе к носу приклеилась!

Ещё не закончил он говорить, как кровянка уже свисала с указанного места.

Теперь уже старик дар речи потерял, а старуха в отчаяние впала.

— Ну ты даёшь! Мухомор старый!⁴⁹ — воскликнула она, тщетно пытаясь оторвать кровянку от носа. — Может я и распорядилась своим желанием глупо, да только от этого одна я же и пострадала! Ну ничего, пожалеешь сейчас, что такую подлость сделал.⁵⁰ Теперь только одного хочу — чтоб эта кровянка от носа отклеилась, и ничего другого не пожелаю.

— ⁵¹Постой, жена, а как же земля?

— Никакой земли⁵².

46Весь абзац содержит ругательства старика в сторону его жены, поэтому необходимо: включить презрительную и грубую жаргонную лексику («баба», «дура», «к чёрту иди»); расставить восклицательные знаки в нужных местах (но не везде, потому что в исходном тексте некоторые предложения не являются восклицательными); и не забывать, что перед нами разговорная речь, поэтому вся реплика должна звучать естественно, как если бы она была сказана в реальной ситуации. В переводе я по возможности пересказала все фрагменты из оригинала.

47Я исключила из перевода сравнение «*más golosa y comilona, que la tierra*», заменив его существительным «обжора» в компании с прилагательным «ненасытная»; такое словосочетание звучит типичнее для русского языка и передаёт смысл оригинала.

48Глагол «*renegar*» можно перевести несколькими способами; в этом случае он обозначает крайнее недовольство со стороны старика: «ненавижу тебя и кровянку» или «будь проклята ты и твоя кровянка»; но моим решением было отдалиться от дословного перевода и передать смысл этого глагола выражением «иди к чёрту», которое звучит мене грубо. Всё-таки «Три желания» — добрая и юмористическая сказка, поэтому чрезвычайно негативных ругательств лучше не допускать.

49Нельзя буквально перевести «*mal hablado*» на русский язык, а русские эквиваленты («сквернослов» или «несдержанный на язык») не вписываются в разговорную речь. Чтобы компенсировать отсутствие упоминания перевода «*mal hablado*», в моём переводе старуха обзывает мужа «мухомором старым», что тоже выражает злость по отношению к нему.

50Испанская поговорка «*en el pecado llevas la penitencia*» (буквально: «в грехе ты несёшь раскаяние») означает, что человеку, совершившему какое-либо злодеяние, в будущем всё вернётся. Само собой подразумевается, что после этого он пожалеет о содеянном, о чём и сообщает старуха своему мужу в моём переводе.

51При прочтении этого фрагмента сказки на испанском языке, как и в случае с первым диалогом, отчётливо видна повторяющаяся структура. Обе реплики старика имеют одинаковую форму (за исключением последнего слова), а жена отвечает одним и тем же «*nada*». Хоть повторение и является сказочной особенностью, с точки зрения эстетики и художественного стиля я считаю, что необходимо отдалиться от такого неестественного повторения и внести в этот диалог небольшое разнообразие. Устойчивое выражение «*por Dios*» я не стала переводить дословно, потому что в русском языке «ради Бога» используется при усиленных просьбах («Помой ты уже эту посуду, ради Бога!»). В нашем же случае старик ведёт себя скорее растерянно, нежели требовательно, потому как сложившаяся неприятная ситуация оказалась для него полной неожиданностью.

52В отличие от испанского языка, в русском нельзя использовать слово «ничего» («*nada*») в качестве отказа. Вместо него в переводе старуха должна дать более развёрнутый ответ, который

— Погоди, а как же дом?

— Никакого дома.

— А давай-ка гору золота⁵³ пожелаем, и я тебе золотой чехол смастерю для кровянки.

— Даже не думай.

— Что ж тогда, всё останется, как и было⁵⁴?

— Да, как и было. Это и есть моё желание.

Сколько муж ни умолял, жену переубедить так и не смог⁵⁵. Сидела она со своим двойным носом да только и успевала⁵⁶, что кошку с собакой⁵⁷ отгонять — те так и норовили кровянку слопать⁵⁸.

Когда на следующий день вернулась фея, и старик со старухой поведали ей о своём последнем желании, то она исполнила его⁵⁹ и зажили они счастливо.

соответствовал бы репликам старика. Поэтому, когда старик напоминает ей о ферме и о доме, она поочередно отвечает «никакой фермы» и «никакого дома»; я не стала делать её ответы восклицательными, потому что в испанской сказке они таковыми не являются — своим тоном она выражает упрямство и упрёк в сторону старика, но голос на него уже не повышает.

53Одно из значений испанского слова «*mina*» можно перевести как «скопление ценностей в больших количествах». В исходном тексте не указывается, скопление чего именно старик хочет пожелать, но следующее предложение даёт подсказку: «чехол из золота» («*funda de oro*»). То есть, под словом «*mina*» старик имел в виду именно этот ценный металл; слово «гора» в разговорной речи русского языка указывает на большое количество.

54Невозможно сохранить буквальный перевод «мы останемся, как были раньше», потому что такое предложение в русском языке некорректно. Чтобы решить эту проблему, я заменила подлежащее «мы» на другое — «всё»; основываясь уже на этом, я продолжила фразу с тем же смыслом, что и в исходном тексте.

55Буквальный перевод: «ничего не постигло его жену». Сохранить эту конструкцию в русском языке не представляется возможным, поэтому необходимо пересказать содержание другим образом. В моём переводе я изменила подлежащее «ничего» на «муж» и, исходя из этого, перефразировала всё предложение, чтобы передать смысл в естественной форме.

56Испанское выражение «*a duras penas*» означает «с трудом». Но я решила заменить буквальный перевод на более разговорный вариант: «только и успевала, что...».

57При разговоре об этих двух видах животных, когда их пол не имеет значение, в испанском языке используется мужской род: «*gato*» и «*perro*». В русском языке, напротив, чаще употребляется женский род: «кошка» и «собака».

58В исходном тексте буквально сказано, что они «хотели на неё наброситься», очевидно для того, чтобы съесть кровянку. Чтобы в русском языке это не звучало так агрессивно, я сразу выразила в переводе конечное намерение кошки с собакой (само собой разумеющееся в исходном тексте), используя при этом разговорный синоним глагола «съесть».

59Буквальный перевод «она вернула их в прежнюю ситуацию» является очевидной проблемой в русском языке. Можно было бы сказать, что она «вернула всё, как было», однако это немного усложняет структуру предложения, и конец не выглядит эстетично. Поскольку из текста сказки читателю уже и так известно, что последнее желание старика со старухой заключается именно в том, чтобы отменить последствия первых двух, то в переводе я решила подать эту информацию другими словами, что позволило лучше оформить последнюю фразу.

4.3. Классификация лексико-стилистических трудностей перевода

В этом разделе я выделяю основные переводческие трудности, а также привожу несколько примеров решений, которые я применила в своём переводе.

➤ Культурологические особенности

х Сохранение испанского культурологического элемента

soy el hada Fortunata	меня зовут фея Фортуната
-----------------------	---------------------------------

х Замена культурологического элемента общей лексикой

un puerco de 200 libras	здоровенную свинью
su altura no llegaba media vara	уместилась бы на ладони

х Адаптация культурологического элемента для русского читателя

una noche de invierno	в один зимний вечер
el rancho del tío Polainas	земля , как у кума

➤ Фразеологизмы, пословицы и поговорки

х Поиск адекватного эквивалента на русском языке

se arrancaba el cabello	рвья на себе волосы
para consultarla con la almohada	утро вечера мудренее

х Замена испанского словосочетания естественным для русского языка

¡Te luciste, mal hablado!	Ну ты даёшь! Мухомор старый!
Daba gloria a las	Я её взглядом так и пожирал

х Добавление фразеологизма, пословицы и поговорки

a poco recayó la conversación	слово за слово , и они уже опять говорили
ahora toca el asombrarse al viejo	теперь уже старик дар речи потерял

➤ Сказочный стиль

х Добавление междометий в разговорной речи

¡Si yo en lugar de...	Эх была бы у меня...
Desearemos una mina	А давай- ка гору золота пожелаем
Pues qué, ¿nos vamos a quedar...	Что ж тогда, всё останется...

х Замена деловой и нейтральной лексики на разговорную

se querían abalanzar a ella	норовили кровянку слопать
vengo a concederlos a realización de tres	я сделаю так, что исполнятся ваши три желания

х Инверсия как жанровая особенность

y desesperarse a la vieja	старуха в отчаяние впала
cenárnosla	на ужин отведать

х Традиционная сказочная лексика

Habíaun matrimonio anciano	Жили-были старик со старухой
asarla sobre la brasa y cenárnosla	зажарить её на углях да на ужин отведать

х Гиперболы и сравнения с юмористическим оттенком

¡Más tonta que un habar!	Такую дуру ещё поискать надо!
no sirve sino para revolcadero de un burro	даже сорняки расти не хотят
como pretendientes a la puerta de un ministro	сколько претендентов на пост министра

➤ Литературный стиль

х Избегание повторений

Habíaun matrimonio anciano, que aunque pobre, toda su vida había pasado muy bien trabajando y cuidando de su pequeña hacienda.	Жили-были старик со старухой. Все эти годы они работали и заботились о своём участке, и пускай жилось им бедно, зато спокойно.
uno a ti –dijo a la mujer–: otro a ti –dijo al marido	Одно твоё, — обратилась она к старухе; — Другое твоё, — сказала она старику

х Изменение пунктуации

traía, como una reina, una corona de oro en la cabeza. La túnica y el velo que le cubrían eran...	На голове у неё, как у королевы, блестела золотая корона, а одета она была в тунику и вуаль...
¡Te luciste, mal hablado!	Ну ты даёшь! Мухомор старый!

х Переформулировка неприемлемых для русского языка синтаксических структур

que aunque pobre, toda su vida la había pasado muy bien	и пускай жилось им бедно, зато спокойно
este último lo otorgaré en persona mañana a estas horas, que volveré	завтра в этот же час я вернусь и лично исполню последнее желание

➤ Лексика, передающая социально-бытовые элементы жизни героев

su pequeña hacienda	своём участке
hacecillaque es de mal terruño	поганом клочке земли
la casade nuestra vecina, que está en primeravida	такой новенький дом , как у нашей соседки

5. Выводы

Перевод фольклорного произведения несёт в себе гораздо больше трудностей и подразумевает намного больше предварительного изучения теории, чем может показаться на первый взгляд. Для того чтобы перевести волшебную сказку, необходимо учитывать специфику этого жанра; сегодня существует немало исследований в этой сфере, подробно описывающих сюжетные и художественные особенности волшебных сказок. Перевод — это передача смысла с одного языка на другой; в данном случае речь идёт о двух весьма далёких культурах, русской и испанской, поэтому крайне важно знать отличительные черты менталитета этих народов. На протяжении истории с ними происходили большие перемены (смена религии, конфликты, изменения в социальной структуре и пр.), и часто является невозможным определить место и дату возникновения того или иного сказочного сюжета. Как выяснилось, сюжет произведения одного народа в какой-то момент пришёл из другого (например, в случае со сказкой «Три желания», сюжет перекочевал из арабской культуры в испанскую, а мотивы «Сказки о рыбаке и рыбке» — из германской в русскую), что затрудняет исследования в области отражения менталитета или этнического сознания в сказках определённого народа.

Тем не менее, мне удалось рассмотреть как универсальные, так и уникальные для каждого из народов особенности жанра волшебной сказки и определить, соответствуют ли им испанская сказка «Три желания» и русская «Сказка о рыбаке и рыбке». На первый взгляд, сюжеты произведений казались весьма похожими, однако после детального анализа сказок выяснилось, что общих черт крайне мало: это тематика желаний и пожилая супружеская пара в качестве главных персонажей. Все остальные аспекты, такие как природа волшебного помощника, количество желаний, характеры старика со старухой или мораль сказки, в той или иной степени отличаются. По языку и художественной форме оба произведения совершенно различны, потому что автором «Сказки о рыбаке и рыбке» является замечательный поэт А.С. Пушкин, а не анонимный автор, как в случае со сказкой «Три желания».

Только после того как я изучила жанр волшебных сказок можно было приступить к переводу. Помимо информации о фольклоре необходимо также знать теорию перевода, поскольку она является основой переводческого процесса. Прежде всего, конечный результат зависит от цели перевода и круга читателей, т.е. для кого он предназначен; необходимо учитывать, какими знаниями уже обладает русский читатель, и каковы его ожидания относительно перевода испанской сказки на русский язык. Так как мой перевод был художественным, цель которого — развлекательная, то крайне важно было передать содержание сказки в наиболее естественной форме на русском языке. Во многих местах это подразумевало отклонение от исходного текста и замену его эквивалентов, будь то один глагол, поговорка или целое предложение. В целом я попыталась придерживаться оригинала и дать буквальный перевод там, где это не затрудняло восприятие информации в нужной манере. Наиболее сложной задачей для меня оказалось придать переводу сказочный стиль. В сказке много устаревшей лексики (например, «молвил» вместо «сказал» или союз «да» вместо «и») и фразеологизмов (например, «впасть в отчаяние» или «потерять дар речи»), что делает процесс перевода особенно трудным и интересным. Также необходимо было сохранить юмористический оттенок, от верной передачи которого зависит адекватное восприятие читателей.

В заключение надо заметить, что важный этап моего переводческого процесса заняла многократная переформулировка одних и тех же фрагментов. Это упражнение заставило меня поработать с русским языком и углубить мои знания, что в результате обогатило мою лексику и позволило выработать необходимые переводческие навыки.

6. Будущие темы исследования

Заканчивая свою работу, мне хотелось бы наметить дальнейшие направления исследования данной темы.

А) Продолжить изучение испанского и славянского фольклоров, рассмотрев отражение их менталитета в других сказках (волшебных, бытовых или о животных), а также в произведениях других фольклорных жанров: песен, обрядов, легенд, загадок, пословиц и т.д. Вероятно, в некоторых из них можно найти больше особенностей, касающихся образа жизни этих народов (например, в обрядах), поэтому культурологическое исследование получилось бы более обширным и детальным, нежели на основе сравнения только двух сказок.

Б) Рассмотреть концепцию желаний в русских и испанских сказках и других фольклорных произведениях. Объектом изучения могут стать также ранние версии сказки «Три желания» и «Сказки о рыбаке и рыбке», о которых я кратко рассказала в пункте 2.3, а также другие сказки о желаниях из испанского и славянского фольклоров. Наконец, было бы интересно ознакомиться со сказками о желаниях других народов и провести их сравнительную характеристику.

В) Осуществить комментированный перевод ещё одной испанской народной волшебной сказки на русский язык, применив теорию перевода и знания в области жанровой специфики фольклорных произведений.

7. Библиография

- АЗАДОВСКИЙ, М. К. 1936. «Источники сказок Пушкина». *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*. № 1: 134-163. Москва, Ленинград: АН СССР. Электронный адрес: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/vr1/vr12134-.htm> [10/05/2015]
- ВАЛЕВСКИЙ, В. *История сказок А. С. Пушкина. Загадки и тайны*. Электронный адрес: <http://www.stihi.ru/2012/07/16/8699> [10/05/2015]
- ВИНОГРАДОВ, В. С. 2001. *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*. Москва: РАО. Электронный адрес: <http://www.helpforlinguist.narod.ru/VinogradovVS/VinogradovVS.pdf> [10/05/2015]
- ВОЛКОВ, А. А. «Фигуры речи». *Курс русской Риторики*. Электронный адрес: <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/2832> [10/05/2015]
- ГАПОН, П. Г. 2000. *Мотивы русской волшебной сказки: архетипы и стереотипы национального поведения*. Донецк. Электронный адрес: <http://boby.ch.ru/referat/43/8797/1.html> [10/05/2015]
- ЗУЕВА, Т. В., КИРДАН, Б. П. 2002. *Русский фольклор: учебник для высших учебных заведений*. Москва: Флинта: Наука. Электронный адрес: marina-marija.narod.ru/SUEVA_KIRDAN.doc [10/05/2015]
- КАЗАКОВА, Т. А. 2002. *Художественный перевод. Учебное пособие*. Санкт Петербург: ИВЭСЭП. Электронный адрес: <http://www.twirpx.com/file/273875/> [10/05/2015]
- КАРАМЗИН, Н. М. *История государства Российского*. Электронный адрес: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/karamzin/karahist.htm> [10/05/2015]
- КОВТУН Е. Н. 1999. «Элементы фольклорной волшебной сказки в славянской литературной сказке и сказочной фантастике». *Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте*. 266-276. Материалы международной конференции (Москва, 15-16 сентября 1998 г.). Москва: МГУ. Электронный адрес: http://www.slavcenteur.ru/Proba/Kovtun/kovtun_folklskazka.pdf [10/05/2015]
- КРАВЧЕНКО, А. И. 2003. *Культурология: учебное пособие для вузов*. М Академический Проект: Трикта. Электронный адрес: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/kravchenko-culturology-8l.pdf> [10/05/2015]
- ЛУНАЧАРСКИЙ, А. В. (Гл. ред). 1939. «Тысяча и одна ночь». *Литературная энциклопедия*. Т. 11. Москва: Худож. лит. Электронный адрес: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/leb/leb-4541.htm> [10/05/2015]
- МАЛИНОВСКАЯ, Н. 2002. *Las tres naranjas del amor: cuentos españoles populares. Три апельсина любви: испанские народные сказки*. Москва: Радуга.
- ОГНЕВА, Е. В. 2012. *Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода*. Москва: Эдитус. Электронный адрес: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/5282/1/Ogneva_Hudozhest.pdf [10/05/2015]
- ОНУФРИЕВ, В.В. 2002. *Справочник по стихосложению*. Электронный адрес: http://rifma.com.ru/Spravochnik_po_stihoslozheniyu.pdf [10/05/2015]
- СОЛОДУБ, Ю. П., АЛЬБРЕХТ, Ф. Б., КУЗНЕЦОВ, А. Ю. 2005. *Теория и практика художественного перевода*. Москва: Академия. Электронный адрес: <http://91.190.232.206:8080/predmet/inostr/transl/Teoriaperevoda.pdf> [10/05/2015]

- ЖУРАВЛЁВА, И. А. 2012. «Сравнительный анализ русских и испанских сказок: формирование национального менталитета». *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. № 2: 123-134. Тула: ТулГУ. Электронный адрес: <http://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-russkih-i-ispanskih-narodnyh-skazok-formirovanie-natsionalnogo-mentaliteta> [10/05/2015]
- ALESINA, N. M., Vinogradov, V. S. 1993. *Teoría y práctica de la traducción: el español*. Kíev: Escuela Superior.
- CABALLERO, F. 1921. *Cuentos, adivinanzas y refranes populares*. Sevilla: Facediciones. Электронный адрес: [http://es.wikisource.org/wiki/Cuentos,_adivinanzas_y_refranes_populares_\(Caballero\)](http://es.wikisource.org/wiki/Cuentos,_adivinanzas_y_refranes_populares_(Caballero)) [10/05/2015]
- DE LA FUENTE GONZÁLEZ, M. A. 2004. «Lecciones y lecturas del deseo en los cuentos populares: “El pecesito de oro” y “Los tres deseos”». *Arte y nuevas tecnologías: X Congreso de la Asociación Española de Semiótica*. 449-458. Valladolid: Universidad de Valladolid. Электронный адрес: dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/940367.pdf [10/05/2015]
- GARCÍA Alonso, F. et al. 2008. *De Iberia a Hispania*. Barcelona: Ariel.
- MÉNDEZ, M. 2013. «Una leyenda y tres burros para recordar los orígenes del turismo en A Toxa». *Faro de Vigo*. Электронный адрес: <http://www.farodevigo.es/portada-arousa/2013/02/02/leyenda-tres-burros-recordar-origenes-turismo-toxa/751083.html> [10/05/2015]
- OROZCO Jutorán, M. 2012. *Metodología de la traducción directa del inglés al español: materiales didácticos para traducción general y especializada*. Granada: Comares.
- PISANTY, V. 1995. *Cómo se lee un cuento popular*. Barcelona: Paidós.
- PROPP, V. 1985. *Morfología del cuento: las transformaciones de los cuentos maravillosos y el estudio estructural tipológico del cuento*. Madrid: Fundamentos.
- PROPP, V. 1987. *Las raíces históricas del cuento*. Madrid: Fundamentos.
- RODRÍGUEZ Almodóvar, A. 1987. *Los cuentos maravillosos españoles*. Barcelona: Crítica.
- SOKOLOVA, L. V., Guzman, R. 2003. *El folclore de los pueblos eslavos*. Granada: Universidad de Granada.

Словари:

- Испанско-русский/русско-испанский словарь*. Электронный адрес: <http://www.diccionario.ru> [10/05/2015]
- Словарь русских синонимов*. Электронный адрес: <http://www.synonymizer.ru/> [10/05/2015]
- Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ*. Электронный адрес: <http://www.gramota.ru> [10/05/2015]
- REAL ACADEMIA ESPAÑOLA, 2014. *Diccionario de la lengua española*. Электронный адрес: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae> [10/05/2015]

8. Приложения

8.1. Сказка «Три желания» на испанском языке

Había un matrimonio anciano, que aunque pobre, toda su vida la había pasado muy bien trabajando y cuidando de su pequeña hacienda. Una noche de invierno estaban sentados marido y mujer a la lumbre de su tranquilo hogar en amor y compañía; estaban enumerando los bienes de mayor cuantía que lograban otros y deseando gozarlos también.

—¡Si yo en lugar de mi hacecilla —decía el viejo—, que es de mal terruño y no sirve sino para revolcadero de un burro, tuviese el rancho del tío Polainas!

—¡Y si yo —añadía su mujer—, en lugar de esta, que está en pie porque no le han dado un empujón, tuviese la casa de nuestra vecina, que está en primera vida!

—¡Si yo —proseguía el marido—, en lugar de la burra, que no puede ya ni con unas alforjas llenas de humo, tuviese el mulo del tío Polainas!

—¡Si yo —añadió la mujer— pudiese matar un puerco de 200 libras como la vecina! Esa gente, para tener las cosas, no tienen sino desearlas. ¡Quién pudiera ver cumplidos sus deseos!

Apenas hubo dicho estas palabras, cuando vieron que bajaba por la chimenea una mujer hermosísima; era tan pequeña, que su altura no llegaba a media vara; traía, como una reina, una corona de oro en la cabeza. La túnica y el velo que le cubrían eran diáfanos y formados de blanco humo, y las chispas que alegres se levantaron con un pequeño estallido como cohetitos de fuego de regocijo se colocaron sobre ellos salpicándolos de relumbrantes lentejuelas. En la mano traía un cetro chiquito de oro, que remataba en un carbunclo deslumbrador.

—Soy el hada Fortunata —les dijo—; pasaba por aquí y he oído vuestras quejas; y ya que tanto ansiáis, porque se cumplan vuestros deseos, vengo a concederos la realización de tres: uno a ti —dijo a la mujer—: otro a ti —dijo al marido—, y el tercero ha de ser mutuo y en él habéis de convenir los dos; este último lo otorgaré en persona mañana a estas horas, que volveré; hasta allá, tenéis tiempo de pensar cuál ha de ser.

Dicho que hubo esto, se alzó entre las llamas una bocanada de humo, en la que la bella hechicera desapareció.

Dejo a la consideración de ustedes la alegría del buen matrimonio, y la cantidad de deseos que como pretendientes a la puerta de un ministro les asediaron a ellos. Fueron tantos, que no acertando a cual atender, determinaron dejar la elección definitiva para la mañana siguiente, y toda la noche para consultarla con la almohada, y se pusieron a hablar de otras cosas indiferentes.

A poco recayó la conversación sobre sus afortunados vecinos.

—Hoy estuve allí; estaban haciendo las morcillas —dijo el marido—. ¡Pero qué morcillas! Daba gloria verlas.

—¡Quién tuviera una de ellas aquí —repuso la mujer— para asarla sobre las brasas y cenárnosla!

Apenas lo había dicho, cuando apareció sobre las brasas la morcilla más hermosa que hubo, hay y habrá en el mundo.

La mujer se quedó mirándola con la boca abierta y los ojos asombrados. Pero el marido se levantó desesperado, y dando vueltas al cuarto, se arrancaba el cabello, diciendo:

—Por ti, que eres más golosa y comilona que la tierra, se ha desperdiciado uno de los deseos. ¡Mire usted, señor, qué mujer esta! ¡Más tonta que un habar! Es para desesperarse. ¡Reniego de ti y de la morcilla, y no quisiese más sino que te se pegase a las narices!

No bien lo hubo dicho, cuando ya estaba la morcilla colgando del sitio indicado.

Ahora toca el asombrarse al viejo, y desesperarse a la vieja.

—¡Te luciste, mal hablado! —exclamaba esta, haciendo inútiles esfuerzos por arrancarse el apéndice de las narices—: si yo empleé mal mi deseo, al menos fue en perjuicio propio, y no en perjuicio ajeno; pero en el pecado llevas la penitencia, pues nada deseo, ni nada desearé sino que se me quite la morcilla de las narices.

—Mujer, por Dios. ¿y el rancho?

—Nada.

—Mujer, por Dios. ¿y la casa?

—Nada.

—Desearemos una mina, hija, y te haré una funda de oro para la morcilla.

—Ni que lo pienses.

—Pues qué, ¿nos vamos a quedar como estábamos?

—Este es todo mi deseo.

Por más que siguió rogando el marido, nada alcanzó de su mujer que estaba por momentos más desesperada con su doble nariz y apartando a duras penas al perro y al gato que se querían abalanzar a ella.

Cuando a la noche siguiente apareció el hada y le dijeron cuál era su último deseo, los devolvió a la situación anterior y fueron tan felices.

8.2. «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод, —
Пришел невод с одною тиной.
Он в другой раз закинул невод,
Пришел невод с травой морскою.
В третий раз закинул он невод, —
Пришел невод с одною рыбкой,
С непростой рыбкой, — золотою.
Как взмолится золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь.»
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо.
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем раскололось».

Вот пошел он к синему морю;
Видит, — море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем раскололось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто».
Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу».

Вот пошел он к синему морю,
(Помутилося синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не дает старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет».
Пошел он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,
С дубовыми, тесовыми воротами.
Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит мужа ругает.
«Дурачина ты, прямой простофиля!

Выпросил, простофиля, избу!
 Воротись, поклонись рыбке:
 Не хочу быть черной крестьянкой,
 Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошел старик к синему морю;
 (Не спокойно синее море.)
 Стал он кликать золотую рыбку.
 Приплыла к нему рыбка, спросила:
 «Чего тебе надобно, старче?»
 Ей с поклоном старик отвечает:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Пуще прежнего старуха вздурилась,
 Не дает старику мне покою:
 Уж не хочет быть она крестьянкой,
 Хочет быть столбовою дворянкой».

Отвечает золотая рыбка:
 «Не печалься, ступай себе с богом».

Воротился старик ко старухе.
 Что ж он видит? Высокий терем.
 На крыльце стоит его старуха
 В дорогой собольей душегрейке,
 Парчовая на маковке кичка,
 Жемчуги огрузили шею,
 На руках золотые перстни,
 На ногах красные сапожки.
 Перед нею усердные слуги;
 Она бьет их, за чупрун таскает.
 Говорит старик своей старухе:
 «Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
 Чай, теперь твоя душенька довольна».

На него прикрикнула старуха,
 На конюшне служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
 Еще пуще старуха вздурилась:
 Опять к рыбке старика посылает.
 «Воротись, поклонись рыбке:
 Не хочу быть столбовою дворянкой,
 А хочу быть вольною царицей».

Испугался старик, взмолился:
 «Что ты, баба, белены объелась?
 Ни ступить, ни молвить не умеешь,
 Насмешишь ты целое царство».

Осердилась пуще старуха,
 По щеке ударила мужа.
 «Как ты смеешь, мужик, спорить со

мною,
 Со мною, дворянкой столбовою? —
 Ступай к морю, говорят тебе чество,
 Не пойдешь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю,
 (Почернело синее море.)
 Стал он кликать золотую рыбку.
 Приплыла к нему рыбка, спросила:
 «Чего тебе надобно, старче?»
 Ей с поклоном старик отвечает:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Опять моя старуха бунтует:
 Уж не хочет быть она дворянкой,
 Хочет быть вольною царицей».

Отвечает золотая рыбка:
 «Не печалься, ступай себе с богом!
 Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
 Что ж? пред ним царские палаты.
 В палатах видит свою старуху,
 За столом сидит она царицей,
 Служат ей бояре да дворяне,
 Наливают ей заморские вины;
 Заедает она пряником печатным;
 Вкруг ее стоит грозная стража,
 На плечах топорики держат.
 Как увидел старик, — испугался!
 В ноги он старухе поклонился,
 Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
 Ну, теперь твоя душенька довольна».

На него старуха не взглянула,
 Лишь с очей прогнать его велела.
 Подбежали бояре и дворяне,
 Старика взаши затолкали.
 А в дверях-то стража подбежала,
 Топорами чуть не изрубила.
 А народ-то над ним насмеялся:
 «Поделом тебе, старый невежа!
 Впредь тебе, невежа, наука:
 Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
 Еще пуще старуха вздурилась:
 Царедворцев за мужем посылает,
 Отыскали старика, привели к ней.
 Говорит старику старуха:

«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»

Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.